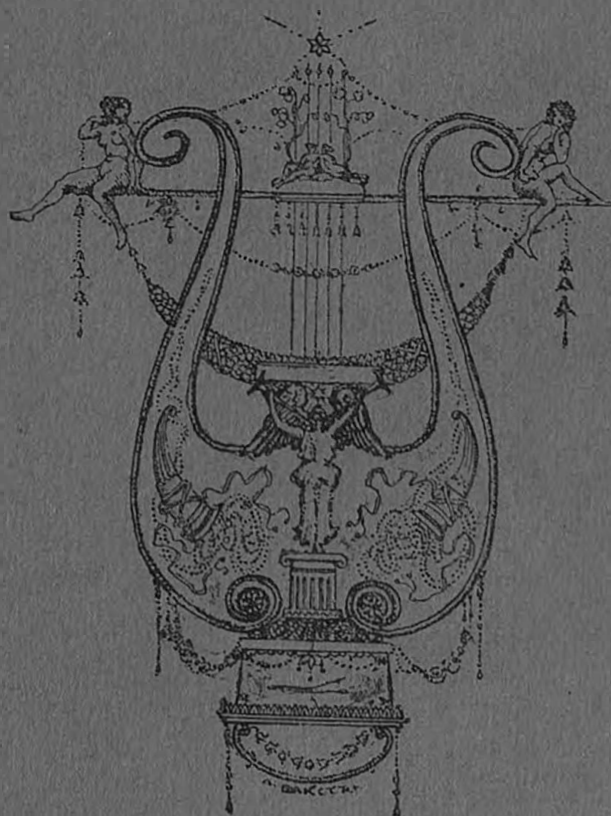

ЕЖЕГОДНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

СЕЗОНЪ 1901 - 1902

ПРИЛОЖЕНІЕ 2е

ПРИЛОЖЕНИЕ 2е

ПІІІ/І

ЕЖЕГОДНИКЪ
ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

(приложеніе)

Сезонъ 1901—1902 г.

Изданіе Дирекціи Императорскихъ Театровъ,

подъ редакціей Л. А. Гельмерсена.

Печатано по распоряженію Министра Императорскаго Двора.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
<i>Ив. Ивановъ.</i> Личность Гоголя и его психологія, какъ художника	1
Викторъ Антоновичъ Дьяченко. (По поводу 25-ти-лѣтія со дня смерти)	57
Михаилъ Михайловичъ Карякинъ, артистъ Императорской русской оперы	58
Нимфодора Семеновна Семенова. (По поводу 25-ти-лѣтія со дня смерти)	62
Евгеній Макаровичъ Семеновъ, секретарь Дирекціи Императорскихъ театровъ. (По поводу 35-ти-лѣтія со дня его смерти)	65

Личность Гоголя и его психологія, какъ художника.

I.

Говорить о великомъ писателѣ, въ особенности, когда послѣ его смерти минулъ такой длинный срокъ, какъ полвѣка,—нетрудно. Недоразумѣнія насчетъ его таланта давно успѣли разсѣяться, сильныя чувства—успокоиться. Писатель сталъ *классическимъ*. Отрывки изъ его сочиненій печатаются въ хрестоматіяхъ, о немъ легко и часто краснорѣчиво бесѣдуютъ обыкновенные наставники юношества...

Все это называется нелицепріятнымъ судомъ потомства.

Относительно Гоголя судъ этотъ также состоялся. Вся Россія торжественно вспомнила годовщину его смерти. Москва готовится воздвигнуть ему національный памятникъ.

Таковъ судъ надъ Гоголемъ-писателемъ.

Здѣсь двухъ мнѣній быть не можетъ.

Достаточно владѣть просто здравымъ смысломъ, чтобы быть удовлетворительнымъ критикомъ таланта Гоголя.

Сама русская жизнь разъ навсегда установила эту критику. Имена Гоголевскихъ героевъ она превратила въ нарицательныя клички; сценами, оригинальными красками его произведеній ежедневно питается остроуміе и писателей и читателей.

Но совершенно другой оборотъ принимаетъ дѣло, когда вопросъ заходитъ о Гоголѣ-человѣкѣ.

И самъ Гоголь въ теченіе всей жизни указывалъ на странность явленія:

„Я почитаюсь загадкою для всѣхъ, писалъ онъ матери еще девятнадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ,—никто не разгадалъ меня совершенно“. О немъ уже тогда высказывались самыя разнообразныя сужденія, часто совершенно непримиримыя. Одни считали его „своенравнымъ педагогомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей“,—т.-е. иначе, чѣмъ всѣ другіе. Но были и такіе, кому онъ казался „смиреникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія“.

И данныя для всѣхъ этихъ мнѣній, очевидно, имѣлись въ самой личности Гоголя. Но крайней мѣрѣ,—онъ самъ признавался матери въ противорѣчіяхъ своей нравственной природы,—и вскорѣ послѣ того какъ объяснилъ ей странную разноголосицу приговоровъ о немъ.

„Часто я думалъ о себѣ, писалъ Гоголь,—зачѣмъ Богъ создалъ сердце, можетъ, единственное, по крайней мѣрѣ, рѣдкое въ мірѣ, чистую, пламенящую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу,—зачѣмъ онъ далъ всему этому такую грубую оболочку? Зачѣмъ онъ одѣлъ все это въ такую страшную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго смиренія?“

Гоголь отказывался отвѣтить на этотъ вопросъ, объяснить противорѣчія своего духовнаго міра, даже прибавлялъ: „мой бранный разумъ не въ силахъ постичь великихъ опредѣленій Всевышняго“.

Фраза нѣсколько приподнятая, но значеніе ея вполне реально. Оно стало обнаруживаться въ ранніе еще школьные годы Гоголя и становилось со временемъ все глубже и для самого писателя тягостнѣе.

Товарищи Гоголя по Нѣжинской гимназіи дають ему прозвище „Таинственный Карла“. Гоголь является гениальнымъ писателемъ, встрѣчается и вступаетъ даже въ пріятельскія отношенія съ людьми, выдающимися по уму и житейской опытности,—тайна попрежнему окружаетъ его душу; такъ продолжалось до самой его смерти. Вспоминая о немъ, уже покойникъ, Сергій Тимофеевичъ Аксаковъ удостовѣрялъ: „Гоголя, какъ человѣка, знали немногіе“. Личность его ускользала отъ пониманія даже близкихъ людей. И Аксакову были извѣстны самыя противоположныя отзывы о Гоголѣ: онъ и забавный весельчакъ, обходительный и ласковый, онъ и угрюмый и даже гордый. Очевидно, заключалъ Аксаковъ, „Гоголя никто не зналъ вполне“. И если кто изъ друзей и пріятелей зналъ его,—то

развѣ только по частямъ. Весь Гоголь, какъ жилъ, такъ и умеръ — существомъ таинственнымъ, загадочнымъ.

Но люди не терпятъ загадокъ и тайнъ, когда дѣло касается человѣка доступнаго, хорошо знакомаго, во многихъ отношеніяхъ—обыкновеннаго, даже слабаго. Пусть онъ одаренъ великимъ талантомъ,—но развѣ онъ какое-нибудь сверхъестественное существо, не изъ плоти и крови, какъ всѣ люди? Тайна—это его геній, его способность творить,—пусть она и будетъ неразгаданной; но его помыслы и особенно дѣйствія, какъ человѣка,—должны подлежать общему порядку, подчиняться общепринятымъ оцѣнкамъ положительнымъ или отрицательнымъ, быть мудрыми или неразумными, благородными или низкими, лицемерными или искренними.

А если нельзя подвести ихъ подъ ту или другую рубрику,—они, значитъ, въ лучшемъ случаѣ фальшивы, страдаютъ трусостью и притворствомъ.

Непонятное съ точки зрѣнія общедоступной нравственности—непремѣнно нѣчто темное и порочное. Таковъ принципъ, всѣми признаваемый или открыто или молчаливо и всѣми ко всѣмъ беспощадно примѣняемый.

И трудно представить болѣе естественную жертву этого принципа, чѣмъ Гоголь.

Въ ранней молодости онъ могъ пока ограничиваться недоумѣніемъ насчетъ своей поразительно пестрой репутаціи. Можетъ-быть, даже льстило отчасти его юношескому тщеславію положеніе столь загадочнаго существа. Но когда пришлось ближе сойтись съ людьми, стать въ зависимость отъ ихъ впечатлѣній и мнѣній, чувство Гоголя рѣзко измѣнилось.

И трудно опредѣлить всю тяжесть, весь трагизмъ этого чувства.

О Гоголѣ могли судить жестоко, слѣпо—люди, лично ему враждебные, завистники его таланта, жертвы его смѣха.

Это было бы обычнымъ явленіемъ, своего рода судьбой,—слѣдовательно, и не особенно мучительнымъ.

Нѣтъ! Гоголь именно отъ искреннихъ почитателей его таланта вынесъ самые жестокіе удары своему человѣческому достоинству. Люди, стоявшіе на противоположныхъ концахъ русской общественной мысли, но одинаково восторженно преданные писательскому генію Гоголя, сошлись другъ съ другомъ не только въ восторгахъ, но и въ негодованіи. И негодованіе было направлено на Гоголя, какъ человѣка.

Ему, автору „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“, не вѣрять, не вѣрять его „душевному слову“, несмотря на его мольбы о вѣрѣ. Гоголю нѣтъ

полной довѣренности, говорить С. Т. Аксаковъ, и у самого Аксакова не было этой довѣренности, хотя онъ и зналъ въ жизни только два высшихъ интереса—свою семью да еще талантъ Гоголя.

А сынъ Аксакова, горячій, благородный, провозгласившій Гоголя Гомеромъ и сходявшій съ ума отъ встрѣчъ съ нимъ и отъ его разговоровъ, обвинялъ его во лжи, въ неискренности, въ неправдѣ съ самимъ собой.

Гремѣлъ громъ и съ другой стороны, такой же горячій и благородный и еще болѣе грозный.

Бѣлинскій въ смертельномъ недугѣ „отчитывался“ „Мертвыми душами“. Произведенія Гоголя были для него великими свѣтлыми событіями его собственной жизни,—и онъ именно съ неудержимымъ гнѣвомъ принялся обвинять его въ самыхъ унижительныхъ стремленіяхъ, уличая въ корыстолюбивой политикѣ, въ расчетѣ путемъ душеспасительныхъ словъ устроить свое земное благополучіе.

Гоголю все это говорилось и писалось въ лицо, безъ всякихъ стѣсненій, и безпощаднѣ всего казнили Гоголя-человѣка тѣ, кто глубже всего преклонялся предъ Гоголемъ-писателемъ.

Какая страшная участь!

Надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка производилась анатомія, и отъ нея жертву бросало въ холодный потъ.

Гоголь самъ это говорить и никому не желаетъ пережить что-нибудь подобное.

И замѣтите, Гоголя проанатомировали и подписали протоколъ, когда у него не оставалось ни малѣйшей возможности возстановить себя въ глазахъ своихъ судей. Жизнь быстро шла къ развязкѣ. Злополучный великій писатель изнывалъ въ безнадежной борьбѣ съ неизлѣчимыми недугами и съ непреодолимымъ градомъ оскорбительныхъ сомнѣній и удручающихъ уликъ. Онъ готовился оставить міръ съ кличкой „Тартюфа Васильевича“.

Можно, пожалуй, припомнить, что Гоголю пришлось особенно жестоко потерпѣть изъ-за единичнаго случая, изъ-за книги: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“. Именно эта книга зажгла гнѣвомъ и Бѣлинскаго и Аксаковыхъ.

Но могла ли только одна книга до такой степени опозорить своего автора, какъ человѣка? Правда, въ литературной борьбѣ и особенно въ русской литературной борьбѣ въ обычаѣ самые широкіе размахи воин-

ствующей руки; однимъ молодецкимъ или предательскимъ ударомъ разбиваются и убѣжденія писателя и нравственная личность человѣка, и ей съ особеннымъ наслажденіемъ изрекается смертный приговоръ за досадную и неумѣстную дерзость мысли.

И все-таки, при всей стремительности русской литературной полемики, *несчастная книга*, какъ выражался Гоголь, не одна была виной его безславія. Сама эта книга могла окрылить даже близкихъ автору людей на безпримѣрные улики только потому, что давно существовала почва для такихъ уликъ, у многихъ обвинителей, можетъ-быть, безсознательно.

Вѣдь безпрестанно въ жизни приходится наблюдать слѣдующее.

Мы встрѣчаемся съ человѣкомъ. Наши отношенія съ нимъ равны и даже пріятны, но въ то же время у насъ постепенно накаплиются совсѣмъ другія впечатлѣнія—мелкія, незамѣтные, часто неуловимыя ни для насъ, ни для этого самого человѣка, будто электричество въ аккумуляторѣ. И вотъ наступаетъ кризисъ. Мы переполнены электричествомъ гнѣва и презрѣнія,—и тогда всякій поводъ можетъ послужить разрядникомъ; въ одной рѣчи мы способны наговорить человѣку столько *нашей* назрѣвшей правды о немъ, сколько не сказали и не передумали въ теченіе долгихъ лѣтъ.

То же самое съ Гоголемъ.

Несчастная книга не создала мнѣній о немъ, какъ человѣкѣ, а только обнаружила ихъ.

Не будь этой книги, Гоголь, все равно, оставался бы на самомъ сомнительномъ счету у своихъ поклонниковъ,—только ему не пришлось бы узнать тайны въ такой ослѣпительной формѣ.

Еще лѣтъ за пятнадцать до „Переписки“ Гоголь производилъ на Аксаковыхъ впечатлѣніе невыгодное, „отталкивающее“, что-то, по выраженію С. Т. Аксакова, не допускавшее его, Аксакова, до искренняго увлеченія и изліянія. Гоголю безпрестанно случалось своими поступками ставить втупикъ Аксаковыхъ: то онъ спрячется въ театрѣ отъ публики, то убѣжить отъ своего давняго близкаго знакомаго, то чрезвычайно сухо встрѣтитъ самое стремительное любовное обращеніе къ нему со стороны искренняго восторженнаго почитателя.

Профессоръ Погодинъ,—человѣкъ очень умный, нѣсколько дубоватый, какими часто бываютъ люди, прошедшіе суровую жизненную школу, но вовсе не злой,—не переставалъ жаловаться на скрытность, неискренность, даже ложь Гоголя.

Несомнѣнно, во многомъ былъ виноватъ и Погодинъ. Послѣ того, какъ Гоголь имѣлъ несчастье стать его должникомъ, онъ обнаруживалъ наклонность какъ бы конфисковать его талантъ въ пользу своего журнала „Москвитянинъ“.

Но были жалобы, казавшіяся вполне основательными и Аксаковыми,—и Сергѣй Тимофеевичъ, видѣвшій свое личное счастье въ писательской славѣ Гоголя и прекрасно знавшій тяжелыя стороны характера Погодина, не находилъ оправданій Гоголю.

По добротѣ душевной, онъ, разумѣется, старался подыскать смягчающія обстоятельства, въ родѣ того, напримѣръ, что у Гоголя, какъ у натуры художественной, весь организмъ устроенъ какъ-нибудь иначе, чѣмъ у обыкновенныхъ людей,—и нервы у него тоньше, и страдаетъ онъ отъ причинъ, другимъ не извѣстныхъ.

Погодина, по разсказу Аксакова, эти объясненія не удовлетворяли. Онъ отвѣчалъ на нихъ злобнымъ смѣхомъ и ехидными замѣчаніями. Но не удовлетворяли они и самого защитника. И для него только послѣ смерти Гоголя многое прояснилось, стало понятнымъ въ пользу Гоголя, но понятнымъ больше для сердца, пораженнаго незамѣнимой утратой, чѣмъ для разума, логически разгадавшаго всѣ тайны и своеобразности чуткой души. Это было жалостью, а не признаніемъ очевидной правоты.

Гоголь-живой такъ и оставался въ теченіе десятковъ лѣтъ человекомъ по меньшей мѣрѣ страннымъ и тяжелымъ.

Еще злополучная „Переписка“ не появлялась на свѣтъ, а Гоголю уже не было довѣрія ни въ крупныхъ, ни въ мелкихъ вопросахъ.

Его пребываніе за границей истолковывается или какъ прихоть, или какъ преступное отчужденіе отъ родины. Офиціальныя и офиціозныя патріоты открыто уличали его въ ненависти къ Россіи; вполне независимые и искренніе люди не могли помириться съ мыслью, какъ чело-вѣкъ, русскій писатель, въ состояніи жить въ Римѣ, когда существуетъ на свѣтѣ Москва.

Очевидно, въ немъ нѣтъ священнаго огня—привязанности къ родинѣ. Нѣтъ въ немъ и другого не менѣе почтеннаго чувства—искренней религіозности.

Гоголь собирается въ Іерусалимъ. Онъ не скрываетъ своихъ настроеній, сопутствующихъ ему въ Св. Землю. Онъ ѣдетъ къ Гробу Господню за нравственной поддержкой, за новымъ могучимъ вдохновеніемъ. Онъ

искренно ждетъ чуда, способнаго потрясти и обновить его измученную душу.

Но всѣ его увѣренія тщетны. Съ его путешествіемъ не могутъ освоиться именно тѣ, кто знаетъ всю силу его гениальнаго смѣха, и не могутъ по очень простой причинѣ: такъ, по крайней мѣрѣ, имъ кажется. Какъ человѣкъ, „смѣшавшій и смѣшившій людей“, „считающій важнымъ дѣломъ выставлать неважныя дѣла и пустоту жизни“, можетъ предпринимать подобное путешествіе?

Самый естественный отвѣтъ: такой человѣкъ—просто ханжа, и напрасно Гоголь изоцряется въ оправданіяхъ своему предпріятію,—кому заранее рѣшили не вѣрить, для того праздный трудъ какія угодно красно-рѣчивыя увѣренія.

И вообще, что бы ни задумалъ, что бы ни сказалъ Гоголь,—онъ непремѣнно встрѣчается съ кривотолками или съ явнымъ порицаніемъ самыхъ близкихъ людей. Это какое-то роковое взаимное непониманіе, своего рода варьянтъ знаменитой драмы пророчицы Кассандры. Несчастная была одарена даромъ предвидѣнья,—но боги сдѣлали такъ, что никто не вѣрилъ ея пророчествамъ, считая ихъ бредомъ безумной.

Не мало Гоголю пришлось потратить словъ и пережить тягостныхъ минутъ по поводу самаго простого обстоятельства, которое для всякаго другого навѣрное разрѣшилось бы безъ всякихъ затрудненій.

Гоголю всегда хотѣлось во всѣхъ подробностяхъ знать отзывы объ его сочиненіяхъ, отъ кого бы эти отзывы ни исходили. Что это имѣло для него безусловно важное значеніе,—могъ видѣть всякій. Гоголь, читая свои произведенія, съ глубочайшимъ вниманіемъ выслушивалъ замѣчанія слушателей, настойчиво требовалъ этихъ замѣчаній. Аксаковъ рассказываетъ, какъ на него вознегодовалъ Гоголь, когда онъ, переполненный восторгомъ предъ только что прочитанными страницами изъ „Мертвыхъ душъ“, вздумалъ возражать тѣмъ, кто находилъ недостатки на этихъ страницахъ.

„Сами вы ничего замѣтить не хотите или не замѣчаете, а другому замѣчать мѣшаете“, произнесъ Гоголь и продолжалъ внимательно слушать менѣе очарованныхъ критиковъ.

И онъ не только слушалъ, онъ умѣлъ воспользоваться тѣмъ, что слышалъ. Объ этомъ также рассказываетъ Аксаковъ и приходитъ въ изумленіе, какую великую пользу извлекалъ иногда великій писатель

изъ впечатлѣній своихъ слушателей. Первыя главы второй части „Мертвыхъ душъ“ становились едва узнаваемыми послѣ того, какъ по нимъ, послѣ чтенія близкимъ людямъ, проплась еще разъ рука мастера.

Эта черта творчества Гоголя всѣмъ была извѣстна,—и между тѣмъ, посмотрите, съ какими чувствами встрѣчаютъ лучшіе пріатели Гоголя его интересъ отзывами объ его сочиненіяхъ. Плетневъ прямо негодуетъ. „Твоя жажда читать эти глупости, пишетъ онъ Гоголю,—единственное пятно для меня на чистой душѣ твоей“. По его мнѣнію, Гоголь просто страдаетъ „жалкимъ любопытствомъ“, его надо лѣчить. Даже больше, Плетневъ приходитъ къ заключенію, что Гоголь „не совсѣмъ преданъ душою дѣлу истины и религіи, а только высматриваетъ, что заговорятъ люди о новой его штукѣ. Это унижительно“.

Трудно представить болѣе глубокое недоразумѣніе. Гоголь интересовался чужими отзывами именно потому, что дѣло свое считалъ общественнымъ дѣломъ и желалъ подвергнуть его самому строгому испытанію путемъ всенароднаго суда. А его пріатели какъ разъ въ этомъ интересѣ видѣли доказательство недостойнаго отношенія писателя къ своему дѣлу.

И не было никакой возможности разъяснить недоразумѣніе, и Гоголь мучительно и бесплодно бился о него будто о каменную стѣну.

Не помогло даже и публичное заявленіе Гоголя о томъ, какъ ему необходимо знать читательскія мнѣнія и впечатлѣнія о „Мертвыхъ душахъ“.

Въ предисловіи ко второму изданію перваго тома Гоголь самымъ проникновеннымъ тономъ просилъ всѣхъ, кого Богъ вразумилъ грамотѣ и кому попалась въ руки его книга,—*помогь ему*, т.-е. исправлять ее и сообщать автору ея свои замѣчанія. Это Гоголь называлъ „кровной услугой“. Обращеніе къ читателямъ и литераторамъ заканчивалось такими словами: „увѣряю искренно, что все, что ни будетъ ими сказано на вразумленіе и поученіе мое, будетъ принято мною съ благодарностью“.

Что же послѣдовало въ отвѣтъ?

Одни просто подняли удивительнаго писателя на смѣхъ: если онъ не знаетъ, что и какъ писать,—нечего и приниматься за дѣло; учиться всему этому у другихъ—забавно и неумно.

И тѣ, у кого былъ расчетъ вообще высмѣять и унижить Гоголя, усмотрѣли въ его обращеніи благодарнѣйшій поводъ выполнить свое завѣтное желаніе. А тѣ, кто искренно цѣнили его талантъ, почувствовали

въ его просьбѣ одну изъ „штукъ“ лукаваго малоросса, одареннаго Богъ вѣсть какими задними мыслями. Третьи, наконецъ, просто не придали значенія столь необычной выходкѣ писателя: никто вѣдь ранѣе не просилъ о сотрудничествѣ всю публику, какая только читала литературныя произведенія.

И Аксаковъ пишетъ слѣдующее: „Должно сознаться, что всѣ мы безъ исключенія были не довольно внимательны къ просьбамъ Гоголя“. Это значитъ, друзья не только не прислали ему замѣчаній на его книгу, но даже лѣнились переправлять къ нему статистическія сочиненія, выписки изъ дѣлъ, что было необходимо Гоголю для „Мертвыхъ душъ“. Необходимость признаетъ самъ Аксаковъ, и все-таки только разъ просьба Гоголя насчетъ дѣловыхъ бумагъ была выполнена, да и то посылка не дошла до него.

Въ результатѣ Аксакову остается указать, что кое-какія погрѣшности въ дѣлопроизводствѣ такъ и остались въ первомъ томѣ „Мертвыхъ душъ“. Ихъ совершенно свободно могъ исправить и самъ Аксаковъ и его сынъ Иванъ, дѣятельно служившій въ то время чиновникомъ. Но никому не захотѣлось этого сдѣлать, и Гоголю пришлось горько сознать свою наивность.

„Я думалъ, какъ дитя“, писалъ онъ въ „Авторской исповѣди“.... „Я думалъ, что многіе сквозь самый смѣхъ слышатъ мою добрую натуру, которая смѣялась вовсе не изъ злобнаго желанья. Но на мое приглашеніе я не получалъ записокъ; въ журналахъ мнѣ отвѣчали насмѣшками“.

Но Гоголю приходилось слышать насмѣшки не только отъ журналистовъ, вообще, за исключеніемъ Бѣлинскаго, не баловавшихъ его благосклоннымъ, даже просто сколько-нибудь внимательнымъ отношеніемъ.

Онъ попалъ въ траги-комическое положеніе, благодаря не менѣе искреннему и еще болѣе сердечному замыслу, чѣмъ обращеніе къ читателямъ за мнѣніями и свѣдѣніями объ его произведеніяхъ: онъ, вообще охотно благотворившій при всѣхъ своихъ скудныхъ средствахъ, вздумалъ учредить цѣлое благотворительное общество на доходъ съ пятаго изданія „Ревизора“, назначилъ лицъ, обязанныхъ разузнавать о бѣднякахъ, особенно о бѣдныхъ чиновникахъ... Трудно представить, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ планъ на друзей Гоголя.

С. Т. Аксаковъ возмущенъ до глубины души. „Все это, восклицалъ онъ о заявленіи Гоголя,—съ начала до конца чушь, дичь и вѣлѣпость“,

и былъ убѣжденъ, что Гоголь послѣ этого станетъ „посмѣшникомъ всей Россіи“.

Какъ могло случиться подобное происшествіе? Ума Гоголя никто рѣшительно не отрицалъ, не смѣлъ отрицать, и ума въ высшей степени тонкаго и глубокаго. А что Гоголь зналъ человѣческую душу, умѣлъ понимать людей,—это доказывалось каждой страницей его произведеній. Какъ же онъ могъ попасть въ такое положеніе, какое свойственно только невмѣняемымъ людямъ! Онъ, побѣдоносно обличавшій самыя сокровенныя смѣшныя свойства людей, самъ вдругъ становился посмѣшникомъ!

Ему пришлось отмѣнить свое распоряженіе, значитъ,—признать справедливость опасеній Аксакова. Но любопытна не отмѣна, а тѣ настроенія, какія вызвало самое распоряженіе. Это сплошной гнѣвъ, можно сказать, дрожь негодованія, притомъ у несомнѣнно добраго и добродушнаго просвѣщеннаго старца С. Т. Аксакова.

Положимъ, Гоголь дѣйствительно ошибался, хотя онъ такъ и остался при своемъ недоумѣніи: почему онъ не можетъ отъ своихъ трудовъ помогать бѣднымъ, если то же самое дѣлаютъ почти всѣ русскіе писатели, даже Булгаринъ и Гречъ, люди, отнюдь не слыvuщіе за безкорыстныхъ?

Можетъ-быть, Гоголь дѣйствительно осуществилъ свое намѣреніе въ очень странной формѣ, слишкомъ показной, почти торжественной?

Но Аксакову была извѣстна деликатность Гоголя въ дѣлахъ благотворенія. Гоголь помогалъ бѣднымъ талантливымъ студентамъ, дѣлалъ это при посредствѣ Шевырева и Аксакова и настаивалъ, чтобы имя благотворителя оставалось неизвѣстнымъ для тѣхъ, кто получалъ деньги: „имя дающаго, писалъ онъ Аксакову,—должно быть навсегда скрыто, потому что у талантовъ чувствительнѣе и нѣжнѣе природа, чѣмъ у другихъ людей“.

Все это могли бы вспомнить и сообразить друзья и не съ такой суровостью протестовать противъ поступка, производившаго на нихъ непріятное впечатлѣніе.

Очевидно, у нихъ не было побужденій падать Гоголя и не было основаній внимательнѣе вдумываться въ его слова и дѣйствія. Общая оцѣнка давно составилаь, и только этимъ можно объяснить стремительность непремѣнно отрицательныхъ приговоровъ всякій разъ, когда Гоголь писалъ или дѣлалъ нѣчто необычное па общепринятый взглядъ.

Одинъ изъ самыхъ близкихъ Гоголю людей объяснилъ это какъ

нелзя лучше. Плетневъ былъ не только пріятелемъ Гоголя, но, это уже большая рѣдкость, даже одобрялъ „Выбранныя мѣста“.

И вотъ послушайте, какой онъ далъ отзывъ о Гоголѣ—ему самому и по его личной просьбѣ.

„Наконецъ, захотѣлось тебѣ послушать правды, писалъ Плетневъ,—изволь, попотчую“...

И дѣйствительно, попотчевалъ,—помните, человѣкъ вообще не бранчивый, не охотникъ до сильныхъ прокурорскихъ рѣчей и въ дѣлахъ Гоголя очень услужливый.

„Что такое ты?“ спрашиваетъ Плетневъ у Гоголя, и отвѣчаетъ: — „Какъ человѣкъ, существо скрытное, эгоистическое, надменное, недоверчивое и всѣмъ жертвующее для славы“.

Дальше, по мнѣнію Плетнева, у Гоголя нѣтъ личныхъ друзей, никогда и не было. Многіе любили его за талантъ, но ничего не читывали въ глубинѣ его души.

Плетневъ, очевидно, прочиталъ кое-что и вычиталъ на первый разъ эгоизмъ и надменность.

И Гоголь все это слушалъ и къ этимъ же людямъ принужденъ былъ обращаться за услугами, даже за денежной помощью.

Если бы онъ и не страдалъ надменностью, а только обладалъ скромнымъ самолюбіемъ, нелегко ему доставались просьбы и особенно мольбы о довѣріи, о вѣрѣ въ его искренность.

Какъ могло создаться такое положеніе?

Гоголь дипломатическаго поста не занималъ, гдѣ, по словамъ знаменитаго дипломата, необходимо лгать, ни къ какой официальной карьерѣ и богатству не стремился, когда тоже, можетъ-быть, неизбежно иногда кривить душой; жилъ и дышалъ только своимъ писательскимъ трудомъ, своимъ художественнымъ вдохновеніемъ...

Какъ же онъ могъ попасть въ разрядъ людей лживыхъ и нечестныхъ? Откуда этотъ „вихрь недоразумѣній“, до такой степени устойчивый, что вотъ и теперь еще можно о немъ говорить, какъ о злобѣ дня?

II.

Прежде всего, одно несомнѣнно: если „вихрь недоразумѣній“ захватилъ людей благородныхъ и знавшихъ цѣну таланту Гоголя, значить,—причина существовала вполнѣ реальная, въ жизни и въ природѣ самого Гоголя.

Даже больше: эта причина, очевидно, была произвольная. Гоголь невольно, въ силу психологической необходимости вызывалъ недоразумѣнія даже у тѣхъ, чѣмъ ясными чувствами и опредѣленными мнѣніями онъ не могъ не дорожить.

Поэтъ Алексѣй Толстой, хорошо знавшій Гоголя, говорилъ о немъ: это „глубоко-печальная натура“.

Можно выразиться сильнѣе: это глубоко-трагическая натура. Печаль, грусть часто зависитъ отъ внѣшнихъ условій, отъ случайныхъ неудачъ и разочарованій. Трагедію человѣка носить въ себѣ самомъ, она сущность его души.

Вы знаете, что такое трагедія вообще? Это борьба непримиримыхъ силъ, неразрѣшимыхъ противорѣчій, несовмѣстимыхъ влеченій. Это вѣчный раздоръ человѣка съ самимъ собой, и чѣмъ глубже, даровитѣе природа человѣка, тѣмъ мучительнѣе раздоръ и воля прекратить его — безсильнѣе.

Такова трагедія Гоголя.

Въ немъ жило два человѣка. Междоусобица загорѣлась, лишь только Гоголь началъ наблюдать внѣшній міръ и отдавать отчетъ въ своихъ наблюденіяхъ.

Сначала, незамѣтно для него, просто по закону времени и мѣста выросъ въ немъ одинъ человѣкъ.

Это—сынъ своихъ родителей, питомецъ старосвѣтскаго малорусскаго хутора, смиреннаго, богобоязненнаго, въ мѣру лукаваго, больше добрадушнаго и отчасти смѣшнаго.

Хозяинъ хутора—деревенскій старожилъ, суетливый хлопотунъ и балагуръ, чувствительный любитель разныхъ идиллическихъ пустяковъ—гротиковъ, бесѣдокъ, аллеекъ, укромныхъ сельскихъ уголковъ, съ нарочито придуманными трогательными прозвищами, въ родѣ „долины спокойствія“. Садитъ деревья, слушать соловьевъ, бродитъ по рощѣ, при случаѣ занести въ тетрадку какое-нибудь высокопарное изреченіе старомодной прописной мудрости... Такова художественная сторона въ жизни Гоголя отца.

Прозаическая, житейская—еще проще.

Оказать услугу отдаленному, но весьма сановному родственнику, угодить ему и дѣломъ и словомъ, на правахъ довѣреннаго лица наложить хозяйскую руку на его челядь, по долгу бѣднаго кліента и гостя развлечь скучающаго „благодѣтеля“ бесѣдой и даже театральнымъ зрѣлищемъ.

И у Васи́лія Аѳанасьевича всего понемножку: онъ и комиссіонеръ, и старшій приказчикъ при хозяйствѣ бывшаго министра Трощинскаго, онъ и веселый собесѣдникъ, и литераторъ, и даже театральнѣй директоръ при дворѣ вельможи.

Отецъ автора „Ревизора“ писалъ комедіи; одна сохранилась,—веселая и талантливая, съ бойкими живописными національными фигурами: глупымъ тунеядцемъ-мужемъ темпераментной находчивой жинки и сладкоглаголивымъ, женолюбивымъ трусомъ-дьякомъ.

Но какъ и зачѣмъ пишутся эти комедіи?

Лучшій отвѣтъ—ихъ участь.

Авторъ и не думалъ ихъ сохранять и, конечно, печатать. Послѣ обѣда удалось провести весело время, хозяинъ и гости, переваривая основательный малорусскій обѣдъ, немало смѣялись,—этого вполне достаточно. Дальше не шло литераторское честолюбіе Васи́лія Аѳанасьевича, и писательство его было просто продолженіемъ застольнаго балагурства.

Такъ смотрѣла на это дѣло и его жена,—безгранично добрая, дѣтски-вѣрующая, мечтательная, робкая,—родная сестра безсмертной Пульхеріи Ивановны. Во всемъ она видитъ непосредственный перстъ Божій, даже замужъ выходитъ по спеціальному желанію Царицы Небесной, чрезвычайно краснорѣчиво и картинно умѣетъ разсказать о Страшномъ судѣ и умиленно и благоговѣйно поговорить о своемъ земномъ благодѣтелѣ — Дмитріѣ Прокофьевичѣ Трощинскомъ.

У такихъ родителей родился будущій геніальный сатирическій писатель.

Вопросъ не въ наслѣдственности,—ее можно и доказывать и отвергать,—а въ поразительномъ сродствѣ душъ, и никто краснорѣчивѣе сына не засвидѣтельствовалъ этого сродства.

Вы помните удивительную повѣсть о „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“? Написана она съ великимъ талантомъ,—но не талантъ въ ней удивителенъ. Она написана тѣмъ самымъ перомъ, какое способно было нарисовать подавляющую пустоту и пошлость русской жизни и русскихъ душъ, какое таило въ себѣ страшную силу прочувствованнаго смѣха.

И вотъ это самое перо разсѣивало радужныя краски по „необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненные вербами, бузиною и грушами“.

Какая „неоцѣнимая прелесть“—и эготъ низенькій домикъ, и его жарко нагрѣныя комнаты, стѣны, убранныя картинками, поющія двери! А его обитатели, простодушныя старички, безконечно гостепріимныя!.. У нихъ такъ свѣтло и уютно, что авторъ и забыть даже не можетъ ихъ совсѣмъ незамѣтной, но для него поэтической и трогательной жизни...

Вотъ гдѣ расцвѣтало сердце грознаго писателя ясной самоудовлетворенной радостью! Будто растеніе, больное и жесткое подъ чужимъ небомъ, вновь оживаетъ и красуется въ родномъ воздухѣ.

Да, воздухъ старосвѣтскаго помѣщичьяго хутора для Гоголя родной.

Какое наслажденіе наблюдать за домашнимъ хозяйствомъ, входить въ подробности хитроумнаго старозавѣтнаго кулинарнаго искусства, въ саду садить клены и дубки, раздѣлывать дорожки, въ полѣ слушать хохлацкія пѣсни, а длинныя зимніе вечера коротать былями и небылицами изъ Украинской старины!

Это — подлинное человѣческое счастье въ предѣлахъ частокола и плетня!

И будущій сатирикъ прежде всего хозяинъ и домоводъ. У него „мирная страсть къ садоводству“: это самъ говорить, и гордится богатствомъ и основательностью своихъ свѣдѣній по хозяйственной части.

Онъ съ дѣтства привыкъ слѣдить за сельскими, за домашними занятіями дворовыхъ дѣвокъ, за кропотливымъ хозяйствомъ матери. Онъ прекрасно знаетъ, какъ и когда ткутся ковры, что и какими способами варится, солится, маринуется. У него всегда на памяти сложные рецепты домашнихъ закусокъ и настоекъ, и онъ съ особеннымъ вкусомъ даетъ понять, что его сердцу близки разныя произведенія изобрѣтательной украинской кухни, всѣ эти галушечки, пампушечки, тавченички. Онъ даже чувствуетъ сильную склонность къ поварскому и портняжному искусству, и ее онъ ставитъ себѣ въ заслугу, перечисляя свои „достоинства“ въ письмѣ къ матери: онъ—„хорошій портной“, „много кое-чего разумѣть изъ повареннаго искусства“,—и это, по его мнѣнію, можетъ даже давать ему средства къ жизни!

Ничего не можетъ быть удивительнѣе—слышать подобныя соображенія отъ начинающаго геніальнаго писателя, а между тѣмъ они для самого Гоголя вовсе не шутка.

Онъ еще въ гимназіи наполняетъ свою записную книжку практическими замѣтками и чертежами, въ родѣ сельскихъ заборовъ, садовыхъ

мостиковъ, скамеекъ, бесѣдокъ, фасадовъ господскаго дома. Живя за границей, Гоголь не забывалъ мельчайшихъ подробностей родного села, помнилъ, гдѣ какая земля, что на ней слѣдуетъ садить и сѣять, какъ сдѣлать ее менѣе жирной, какъ ухаживать за всякой зеленью, когда ее поливать.

Столь же коротко Гоголь освѣдомленъ и насчетъ молочнаго хозяйства. Сестрамъ приходится не только исполнять обширную программу работъ, предписанную братомъ, но и давать ему отчетъ, какъ все это исполнено.

Вообще хозяйство и именно деревенское Гоголь ставилъ чрезвычайно высоко,—съ этимъ убѣжденіемъ онъ и умеръ. Даже писательская необыкновенно громкая слава не могла заставить его забыть о любимомъ предметѣ. Онъ долго питалъ намѣреніе не шутя приняться за хозяйство, не переставалъ повторять, что дѣятельность умнаго и благороднаго помѣщика выше всякой должностной службы, а свѣтскую городскую жизнь съ ней немыслимо и сравнивать. Въ деревнѣ можно сдѣлать много добра, сослужить отечеству великую службу. Надо только войти въ бытъ мужика, узнать его нужды, изучить его душу, вникнуть въ его работы. И счастливѣйшій человѣкъ, по мнѣнію Гоголя,—тотъ, кто сумѣетъ какъ слѣдуетъ управиться съ своей деревней.

Это принципы и идеалы. Но и въ мелочахъ Гоголь оставался вѣренъ своей природной старосвѣтской закваскѣ.

Гоголь съ увлеченіемъ кроить себѣ костюмъ, Гоголь артистически приготовляетъ макароны,—„отъ всей души“, рассказываетъ Аксаковъ. Со стороны на его увлеченіе и стараніе нельзя безъ смѣха смотрѣть: будто приготовленіе макаронъ—его любимое дѣло, и Аксакову даже кажется,—не будь Гоголь великимъ писателемъ, изъ него непремѣнно вышелъ бы поваръ-артистъ. Вспомнимъ, что и самъ Гоголь придавалъ не малое значеніе на своемъ жизненномъ пути своимъ „кое-какимъ ремесламъ“.

Но, разумѣется, честолюбіе его выше этихъ ремеселъ. У него, какъ у всякаго даровитаго юноши, имѣется свой идеалъ, свой романтическій міръ.

И опять въ высшей степени замѣчательный, столь же неожиданный для великаго творческаго генія, какъ и пристрастіе къ портняжному и поварскому искусству.

Какъ въ дѣйствительности, такъ и въ мечтахъ—Гоголь—образцовый человѣкъ почвы, традиціи. И этому способствуетъ не только нравственная сущность его природы, но и все состояніе его организма. Гоголь ро-

дился очень болѣзненнымъ, слабымъ и золотушнымъ, а главное, крайне нервнымъ. Можно сказать,—какъ только онъ началъ жить, такъ и началъ лѣчиться и лѣчился всю жизнь. И это было наслѣдствомъ. Отецъ его болѣлъ безпрестанно, лихорадка длилась у него годами, и умеръ онъ не отъ какой-либо болѣзни, а отъ истощенія силъ, едва доживъ до сорока четырехъ лѣтъ. Мать тоже не отличалась здоровьемъ. Ей было около пятнадцати лѣтъ, когда у нея родился сынъ, знаменитый въ будущемъ. Всю жизнь она оставалась хрупкой и болѣзненно-восприимчивой.

Природа дала Гоголю очень мало силы, крови и вообще крѣпости. Въ гимназiи онъ постоянно пилъ какую-то цѣлебную настойку и безпрестанно сообщалъ родителямъ, что онъ боленъ и нерѣдко опасно. Молодость его прошла очень скоро. Уже въ тридцать лѣтъ онъ чувствовалъ себя старикомъ, а на тридцать седьмомъ году онъ уже говорилъ о себѣ, какъ о человѣкѣ отжившемъ, писалъ, что онъ скоро и постепенно истаетъ, умретъ отъ истощенія силъ, какъ угасъ его отецъ.

„Вѣкъ мой недологъ“,—эта мысль преслѣдовала Гоголя всю жизнь. Знали это и другіе, и всякому болѣзненность Гоголя до такой степени бросалась въ глаза, что даже не было возможности скрывать своихъ впечатлѣній. Пушкинъ, сердцемъ любившій Гоголя и высоко цѣнившій его талантъ, совѣтовалъ Гоголю не терять времени, пользоваться талантомъ: здоровье его слишкомъ ненадежно.

Болѣзненность вызывала у Гоголя особое крайне мучительное состояніе—зѣбкость. Онъ не только не выносилъ легкаго мороза, осенней или весенней сырости,—даже одно представленіе о холодѣ и туманѣ причиняло ему страданіе. Не спасала его и теплая комната. Только „не-нато-пленное тепло“, говорилъ Гоголь, позволяло ему жить и дышать. Даже въ Италіи Гоголь не могъ долго сидѣть въ комнатѣ. Приходилось выбѣгать на воздухъ и согрѣваться быстрой ходьбой. Дошло до того, что у Гоголя при одной мысли, на примѣръ, о Петербургѣ, морозъ подиралъ по кожѣ, и на него, говорилъ онъ,—малѣйшій холодокъ ошестинивался бурей.

Эта физическая безпомощность не могла не вліять и на душу человека. Гоголь жилъ робкимъ, зѣбкимъ нравственно, инстинктивно сторонился всего рѣзкаго, волнующаго, противорѣчиваго обычному спокойному ходу жизни. Онъ вѣчно тоскуетъ по укромнымъ уголкамъ, даже по „душевному монастырѣ“. Онъ—прирожденный ненавистникъ всякаго излишества, всего неумѣреннаго.

„Ради Бога берегите здоровье и дѣлайте все съ умѣренностью: это большая добродѣтель“, писалъ Гоголь С. Т. Аксакову,—и именно склонности къ „излишества“ онъ приписывалъ самыя прискорбныя заблужденія отдѣльных людей и разныя общественныя настроенія. Бѣлинскій для Гоголя такъ и былъ олицетвореніемъ „излишества“,—отсюда всѣ несчастія критика, вся его слѣпота, по мнѣнію Гоголя. Излишествами объяснялъ Гоголь и непріятную для него борьбу партій славянофиловъ и западниковъ. Обѣ виноваты въ увлеченіяхъ, въ неразумной крикливости. „Храни тебя Богъ отъ запальчивости и горячки, хотя бы даже въ малѣйшемъ выраженіи“, пишетъ Гоголь пріятелю. И правило Гоголя: „къ спорамъ прислушивайся, но въ нихъ не вмѣшивайся“. И это потому, что споры возмущаютъ душевное спокойствіе человѣка, величавую ясность его мысли. Такъ полагаетъ Гоголь,—но на самомъ дѣлѣ ему споры ненавистны не по убѣжденію, а по натурѣ. Они способны вытолкнуть человѣка съ проложенной житейской колеи и нарушить воспринятое по наслѣдству міровоззрѣніе.

О какомъ идеалѣ могутъ мечтать въ старосвѣтскомъ хуторѣ, гдѣ считаютъ великой красотой жизни—тождественность одного дня съ другимъ? Идеаль—предъ глазами; точнѣе, ихъ два: одинъ—будничныи, другой—праздничныи, такъ сказать, романтическій.

Аѳанасій Ивановичъ Товстогузъ—прекрасный человѣкъ, а Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій—„великій человѣкъ“, по выраженію Гоголя. Вотъ двѣ вершины человѣческаго благополучія. Обѣ онѣ, при всемъ видимомъ несходствѣ, покоятся на одномъ основаніи.

Старосвѣтскій помѣщикъ и выслужившійся чиновникъ—произведенія одной и той же почвы. Составъ ея—традиція, рутина, ровное, солидное, практически-мудрое движеніе по шаблону. Будь счастливъ въ предѣлахъ возможнаго и великъ въ предѣлахъ дозволеннаго; и то и другое по испытанной дѣдовской мѣркѣ.

Этой мудростью дышали стѣны и воздухъ Гоголевскаго родительскаго дома. Ею вдохновлялись мечты его обитателей о будущемъ молодого поколѣнія. Не разъ любящая мать, глядя на своего „Николу“, давала волю своимъ надеждамъ. Мальчикъ, при всей болѣзненности, росъ очень острымъ и умнымъ. Кому же, какъ не матери, видѣть въ немъ будущую знаменитость, славу родной Дибаньки.

Но какую славу?

Отвѣтъ налицо: въ родѣ благодѣтеля Троцинскаго; возможно больше уподобиться ему, ближе подойти къ его величію, — вотъ завѣтныя думы родителей геніальнаго писателя.

Онѣ—и его думы, его „высокія начертанія“, какъ онѣ выражается. Онѣ мечтаетъ о службѣ государственной. Она, по его словамъ, „пробывала неотлучно въ его головѣ—впереди всѣхъ его дѣлъ и занятій“. Онѣ не могъ допустить и мысли—прожить жизнь въ неизвѣстности. Девятнадцати лѣтъ онѣ произноситъ крайне презрительный приговоръ надъ „существователями“, пресмыкающимися въ неизвѣстности, зарытыми въ безмолвіе мертвое.

Одна мысль, что ему достанется такая же доля, повергаетъ его „въ глубокое уныніе“. И это въ тѣ годы, когда сверстники Гоголя думали еще объ играхъ. А онѣ жаждалъ извѣстности, „просторнаго круга дѣйствій“.

Что же это значило?

Гоголь отвѣчаетъ: „Я думалъ просто, что я выслужусь и все это доставитъ служба государственная“.

Ни тѣни мысли о писательствѣ. По словамъ Гоголя, оно никогда и не представлялось ему при всѣхъ его помыслахъ о будущемъ.

Слушая всѣ эти признанія, можно подуматъ, что изъ Гоголя выработывался просто карьеристъ. Это было бы естественно, если бы Гоголь такъ и оставался на уровнѣ захоластнаго старосвѣтскаго идеализма. Его земляки и родичи, участвовавшіе въ вельможныхъ потѣхахъ Троцинскаго—вплоть до забавы шутами, конечно, не потребовали бы отъ Гоголя другихъ результатовъ службы, кромѣ чиновъ и наградъ. На чины онѣ и самъ смотрѣлъ какъ на вещь положительную, но видѣлъ въ службѣ еще нѣчто другое, врядъ ли постижимое даже для самыхъ избранныхъ обитателей хуторовъ.

Признаваясь родственнику въ мечтахъ о будущемъ, Гоголь спѣшитъ прибавить, что эти мечты всегда были его тайной, даже отъ матери. Онѣ и послѣ того, какъ „проговорился“, проситъ родственника „затаить“ его письмо,—такъ же, какъ онѣ, восемнадцатилѣтній юноша, „затаилъ въ себѣ одною свои упрямые предначертанія“.

Зачѣмъ такая таинственность? Неужели мать не сумѣла бы понять надеждъ сына на будущіе успѣхи по службѣ?

Несомнѣнно, поняла бы и отъ всей души поощрила бы. Но одно

для нея осталось бы не совсѣмъ вразумительнымъ, и для ея сына самое главное—цѣль служебныхъ успѣховъ.

Она до такой степени исключительна и такою ее считаетъ самъ Гоголь, что одна мысль о ней невольно сообщаетъ его рѣчи нѣкій торжественный тонъ, въ какомъ вовсе не говорятъ вообще о государственной службѣ.

Гоголь пишетъ:

„Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ, на юстиціи. Я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только я могу быть благодаріемъ, здѣсь только буду истинно полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сдѣлавъ блага“.

Будущую службу Гоголь называетъ „трудомъ важнымъ, благороднымъ, на пользу отечества, для счастья гражданъ, для блага жизни (себѣ) подобныхъ“.

Несомнѣнно, въ этихъ изліяніяхъ есть извѣстная доля риторики, форма, отчасти надуманная, преукрашенная, но отъ этого не мѣняется сущность мыслей. Гоголь смотритъ на государственную службу, какъ на нравственный долгъ предъ народомъ, какъ на свое высшее призваніе. Серьезное, возвышенное отношеніе къ дѣлу своей жизни—глубочайшая черта натуры Гоголя,—и такъ же прирожденная, какъ и старосвѣтскія, хуторянскія наклонности.

Въ этомъ соединеніи — своеобразность личности Гоголя, и оно цѣликомъ пройдетъ по всей его жизни.

Сверстникъ Гоголя А. М. Стороженко разсказалъ одинъ случай изъ его ранней молодости. Случай простой, но могъ онъ произойти только съ Гоголемъ. Будущій писатель оказался удивительнымъ психологомъ, въ короткое время успѣлъ вызвать у сварливой, раздражительной хохлушки самыя противоположныя настроенія: страшный гнѣвъ и умиленные чувства признательности и почтительности. Разсказчикъ, свидѣтель происшествія, не могъ опомниться отъ изумленія: какое знаніе народнаго характера!..

Настроеніе Гоголя мгновенно измѣнилось. Лицо загорѣлось яркимъ румянцемъ, взглядъ засверкалъ вдохновенно, веселая улыбка исчезла, и Гоголь воодушевленно заговорилъ о томъ, что онъ готовъ бы всю жизнь посвятить народу...

Полное совпаденіе съ признаніями Гоголя въ письмахъ. И все это — подлинное свидѣтельство одного и того же факта: чисто религіознаго отношенія Гоголя къ своимъ жизненнымъ задачамъ. Пока онъ эти задачи видитъ въ государственной службѣ, и съ этимъ убѣжденіемъ мечтаетъ о Петербургѣ, какъ „Эдемъ“, рассчитываетъ прожить тамъ „цѣлый вѣкъ“, подвизаясь на поприщѣ правосудія, нетерпѣливо ждетъ дня, когда онъ вступить въ завѣтный рай и покажетъ, на что способенъ онъ, три года неуклонно лелѣющей одну и ту же цѣль и умѣвшій хранить ее втайнѣ, какъ святыню.

Но именно потому, что цѣль была для Гоголя святыней, она и не могла осуществиться.

III.

Гоголь не успѣлъ прожить въ Петербургѣ и двухъ недѣль, его уже постигло полное разочарованіе. Исключительный талантъ видѣть и понимать „людскія глупости“, еще въ Малороссіи стяжавшій Гоголю репутацію студента-„спички“, человѣка, невыносимаго своими колкими насмѣшками,—въ Петербургѣ на первое время сослужилъ ему очень грустную службу, разоблачилъ предъ нимъ бездну смѣшного и жалкаго какъ разъ тамъ, куда рвалась его романтически настроенная душа.

Съ перваго же письма Гоголь начинаетъ негодовать на „служащихъ“ и „должностныхъ“, находитъ ихъ необыкновенно мелкими, ничтожными, и жизнь ихъ считаетъ прямо безплодной. Даже ихъ жесты, ихъ разговоры смѣшны, и Гоголь уже рисуетъ цѣлыя картины чиновничьей пошлости и ограниченности. Черезъ полгода жизнь въ Петербургѣ на положеніи чиновника ему кажется пресмыкательствомъ; онъ гораздо выше ставитъ тѣхъ, кто сидитъ въ своей деревнѣ и хозяйничаетъ съ мужиками, и приходитъ въ ужасъ—пережить впослѣдствіи упреки совѣсти, если и ему придется также *безплодно издержать жизнь*, подобно „смѣшнымъ петербургскимъ молодымъ людямъ“.

Такъ измѣнились мысли Гоголя о службѣ! Отъ недавнихъ мечтаній не осталось и слѣда.

Но что же явилось взамѣнъ?

Пока—ничего. Гоголь томится и надѣется иногда на Промыслъ Божій, какъ онъ пишетъ матери, а иногда просто хватается за первое попавшееся дѣло, лишь бы прокормиться и одѣться. Здѣсь все кстати—и

актерство, и учительство, и даже литераторство. Оно отнюдь не на первомъ планѣ—просто потому, что это мало доходная статья. „Столкнулся я съ нимъ почти нечаянно“, говорилъ Гоголь о „поприщѣ писателя“ въ письмѣ къ пріятелю, а въ „Исповѣди“ даже заявлялъ: „Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя есть мое поприще“.

Заявленіе для насъ странное, но для Гоголя естественное: онъ никакъ не могъ забыть, до какой степени случайно въ поискахъ за родомъ дѣятельности онъ попалъ въ писатели и остался имъ.

Что Гоголь сталъ вообще сочинять,—не было ничего страннаго. Въдъ и отецъ его былъ писателемъ. Никого это не удивляло и не беспокоило. Въ Малороссіи вообще не мало прирожденныхъ сочинителей. Одинъ изъ нихъ и очень талантливый дѣйствуетъ въ томъ самомъ разсказѣ сверстника Гоголя, гдѣ самъ Гоголь играетъ роль геніальнаго психолога и въ то же время—восторженнаго слушателя мужицкихъ разсказовъ.

Рѣдкій малороссъ не умѣетъ разсказать „яку-нибудь страховинну казочку“, другой ее запишетъ: все это въ порядкѣ вещей, и на памяти Гоголя никто еще не считалъ этого серьезнымъ дѣломъ.

Совершенно такой же взглядъ и у него самого на свои смѣшныя исторіи изъ малорусскаго быта.

Къ нимъ вполне идетъ подпись пасичника Рудаго Панька. Подлиннаго авторскаго имени на нихъ и ставить не стоитъ. Автору скучно или просто деньги нужны,—вотъ онъ и выдумываетъ смѣшныя исторіи, все равно, какъ и отецъ его выдумывалъ,—только тотъ ради чужой скуки.

Правда, въ первыхъ же смѣшныхъ исторіяхъ оказалось нѣчто другое помимо смѣха и веселости. Свѣта здѣсь много, не меньше, чѣмъ въ лѣтнемъ малорусскомъ днѣ, нервной романтической поэзіи не меньше, чѣмъ въ весенней малорусской ночи, сіяющей луннымъ свѣтомъ и звучащей соловьиными пѣснями, а сила, молодость—вся изъ богатырскаго прошлаго Украйны...

Но среди пѣсенъ и свѣта неизмѣнно звучитъ какая-то странная, нежданная нота, глубокая и упорная, нота безконечной грусти, той грусти которой нѣтъ облегченія въ слезахъ и которая замираетъ только вмѣстѣ съ самой жизнью. И нѣтъ утѣшенія этой грусти ни въ ослѣпительно-сіяющей природѣ, ни въ бурномъ людскомъ весельѣ.

Именно въ природѣ, залитой солнечнымъ блескомъ, слышался поэту таинственный зловѣщій призывъ. Откуда этотъ призывъ? Онъ не вымы-

сель писателя, всегда искренняго и строгаго въ своемъ художественномъ творествѣ. Поэтъ не считаетъ также этого призыва игрой своего случайно болѣзненнаго настроенія. Нѣтъ, это неумолкаемо звучащій въ его душѣ голосъ горестнаго чувства, голосъ невольной печали о бѣднотѣ человѣческой жизни, какъ бы часто и легко ни забывался человѣкъ въ призрачной радости.

„День обыкновенно былъ самый ясный и солнечный; ни одинъ листъ въ саду на деревѣ не шевелился; тишина была мертвая; даже кузнечикъ въ это время переставалъ кричать, ни души въ саду...“ И вотъ эта тишина пробуждала въ душѣ поэта невыразимую тоску. Такой сверкающій и торжествующій кругомъ міръ, кажется, переполненный красотой и силой жизни,—но поэту чуждо за этой красотой что-то трагическое.

Ничше въ сочиненіи „Происхожденіе трагедіи“ съ увлекательнымъ поэтическимъ краснорѣчіемъ изобразилъ трагическую основу античнаго эллинскаго міровоззрѣнія. Кажется, кто могъ бы больше любить жизнь, восторженнѣе обожать ея красоту, умѣть извлечь изъ нея все свѣтлое и безпечное, чѣмъ народъ съ такимъ могущественнымъ художественнымъ вдохновеніемъ, съ такимъ неисчерпаемымъ жизненнымъ лиризмомъ?

И между тѣмъ, у этого народа искони лежала тяжелая тѣнь и на вдохновеніи и на философской мысли. Тѣнь называлась непобѣдимымъ и неизбѣжнымъ Рокомъ; предъ нимъ, вѣчнымъ и беспощаднымъ, все человечество—будто осенніе листья, опавшіе и осужденные на безслѣдное исчезновеніе. Такъ именно поэты и описывали человѣческую жизнь, это ихъ любимое сравненіе,—и эллины могъ развивать какую угодно энергію въ искусствѣ и въ политикѣ,—у него никогда не замолкалъ грозный или насмѣшливый голосъ: всѣ твои поколѣнія—древесная листва; опадающая и вновь зеленѣющая и снова гибнущая въ естественномъ круговоротѣ, безразличномъ для твоихъ радостей и для твоихъ истинъ.

Вотъ эта трагическая основа лежитъ и въ поэзіи Гоголя. Она отчасти наслѣдство родной малорусской психологіи. Народная пѣсня Украйны полна грусти, тоски по утраченномъ или недостигнутомъ. Самъ Гоголь настойчиво отмѣтилъ эту черту малорусской пѣсни, ея „музыку грусти“: „звуки ея живутъ, жгутъ, раздираютъ душу... безотрадное, равнодушное отчаяніе иногда слышится въ ней такъ сильно, что заслушавшійся забывается и чувствуетъ, что надежда давно улетѣла изъ міра“.

Гоголь, всю жизнь горячо любившій украинскія пѣсни, въ себѣ са-

момъ носилъ отголоски ихъ печальной музыки. Но у него была и своя печаль. Національная пѣсня—воспоминаніе о кровавомъ прошломъ Украины, о вѣковой борьбѣ съ врагомъ православной вѣры, когда и та и другая сторона милосердіе и пощаду считали преступленіями передъ религіей и родиной.

Печаль Гоголя другая. Она именно тотъ трагическій фонъ, какимъ окружена страстная любовь античнаго эллина къ жизни,—безотрадная печаль о человѣческой участи вообще, независимо отъ историческихъ и личныхъ испытаній.

Первый же веселый рассказъ Гоголя „Сорочинская ярмарка“ заканчивался внезапнымъ аккордомъ горя и тоски, повидимому, такимъ неуѣстнымъ! Люди празднуютъ свадьбу, пляшутъ, хохочутъ, поютъ, а поэту чужется въ этомъ шумѣ „грусть и пустыня“. Бурные звуки радости, будто свѣтлые лучи, разлетаются и даютъ мѣсто надвигающейся мглѣ, и холодъ начинается проникать въ душу, только что охваченную весельемъ.

И такъ у Гоголя останется до конца.

Не будетъ суждено ему счастливаго свободнаго смѣха, а смѣхъ съвозъ слезы, горькій смѣхъ, пронизанный болью и состраданіемъ, тотъ смѣхъ, когда смѣющемуся еще тяжело, чѣмъ тому, на кого направленъ смѣхъ. И самъ Гоголь впоследствии представитъ самый точный психологическій анализъ своего смѣха, но время этого творческаго самосознанія еще далеко. Пока еще Гоголь не понимаетъ ни силы, ни сущности своего таланта.

„На меня, говорилъ онъ,—находили припадки тоски“,—ихъ онъ готовъ былъ объяснять просто своимъ болѣзненнымъ состояніемъ,—и „чтобы развлекать самого себя, продолжаетъ онъ,—я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза“.

И вдругъ дѣло стало принимать совсѣмъ другой оборотъ.

Съ Гоголемъ случилось то же самое, что съ очень юнымъ Паскалемъ. Игралъ ребенокъ въ „палочки“ и „кружочки“, составлялъ разныя сочетанія, и, оказалось, неожиданно для себя открылъ начало науки—геометріи. Сочетанія изъ палочекъ вышли чертежами, а наблюденія ребенка—теоремами.

Такъ и съ Гоголемъ.

Сочинялъ онъ легкіе рассказы для развлеченія, и безсознательно обнаружилъ небывалый писательскій талантъ, такой, предъ которымъ преклонился самъ великій Пушкинъ.

Гоголь услышалъ отъ своего геніальнаго друга поразительныя вещи. Пушкинъ говорилъ:

„Какъ съ этой способностью угадывать челоѣка и нѣсколькими чертами выставлать его вдругъ всего, какъ живого, съ этой способностью— не приняться за большое сочиненіе! Это просто грѣхъ!“

И Пушкинъ убѣждаетъ Гоголя не терять времени,—вопросъ идетъ о всемъ его значеніи въ литературѣ, объ его мѣстѣ среди русскихъ писателей.

Пушкинъ слишкомъ внушительный авторитетъ, его нельзя не послушать. И сама окружающая жизнь поощряетъ на послушаніе. Смѣшно сколько угодно, даже больше, чѣмъ по ту и по сю сторону Диканьки и въ самомъ Миргородѣ. Мы знаемъ, уже съ перваго знакомства Петербургъ вызвалъ у Гоголя веселое настроеніе. А теперь, вдоволь наслонявшись „по канцеляріямъ, по министеріямъ“, Рудый Панько собралъ неисчерпаемый запасъ наблюденій.

И Гоголь отъ диканьскихъ мужиковъ и миргородскихъ дворянъ переходитъ къ русскимъ совѣтникамъ и ассессорамъ.

Сознаетъ онъ значеніе перехода?

На первыхъ порахъ,—несомнѣнно, нѣтъ.

Онъ не отдаетъ себѣ отчета, какая разница смѣяться надъ глупостью и шароварами Ивана Никифоровича и разными качествами, украшающими петербургскаго или провинціальнаго чиновника...

Для остроумнаго наблюдателя — все это одинаково смѣшно, но въ общемъ порядкѣ жизни далеко не одинаково значительно.

Миргородскіе дворяне—глупцы и пошляки почти исключительно за свой счетъ. Обидаютъ они развѣ какую-нибудь нищую бабу, но зато сами же попадутъ подъ команду краснощекой дѣвки Гапки или мужественной Агаѣи Федосѣевны.

Совсѣмъ другое дѣло — чиновникъ, хотя бы самый младшій. Онъ непремѣнно чѣмъ-нибудь завѣдуетъ и надъ кѣмъ-нибудь начальствуетъ. У него имѣется кругъ официальныхъ распоряженій съ авторитетомъ, исполнѣмъ обезпеченнымъ и часто непререкаемымъ. И его поступки и ин-

стинкты совсѣмъ другой вопросъ, чѣмъ странности гоголевскихъ земляковъ.

И смѣхъ Гоголя, перенесенный на новую почву, сразу выросъ въ силѣ, въ нравственномъ и общественномъ значеніи.

Раньше—это бытовой, малорусскій юморъ, скорѣе семейнаго и мѣстнаго характера, чѣмъ національнаго и государственнаго. Теперь явился смѣхъ гражданскій, можно сказать,—всероссійскій, и Гоголь, раздражавшій раньше только миргородскихъ обывателей—и очень сильно раздражавшій, теперь дѣлалъ вызовъ сильнѣйшимъ сословіямъ громаднаго государства—чиновникамъ и помѣщикамъ.

Гоголь одновременно начинаетъ работать надъ „Ревизоромъ“ и „Мертвыми душами“... Понимаетъ ли онъ, что и комедія и поэма дѣйствительно вызовы?

Нѣтъ. Сначала онъ и не предчувствуетъ смысла своей комедіи, даже какъ чисто литературнаго произведенія, не смотритъ и на поэму, какъ на значительнѣйшій трудъ всей своей жизни.

„Ревизоръ“ набрасывается въ очень веселой формѣ, въ стилѣ Рудаго Панька. Герой будущей классической комедіи — Скакуновъ, невѣроятный моветонъ и невѣжда. Разговаривая съ дамами, онъ кладетъ ноги на стулъ, не понимаетъ, что такое слово „комедія“, смѣшиваетъ его съ „артиллеріей“, рассказываетъ избитые анекдоты мѣщанскаго общества, съ мальчишеской претензіей на пикантность. Не менѣе болтливы и развязны и остальные герои и героини. Жена городничаго рассказываетъ дочери, какъ къ ней, еще дѣвицѣ, принесли поручика въ кулѣ съ перепелками, и какъ этотъ поручикъ былъ въ нее влюбленъ, а она больше двухъ мѣсяцевъ не отходила отъ зеркала и все училась дѣлать „глазки“. Мимоходомъ мужа она обзываетъ „дюжимъ печникомъ“ и сообщаетъ дочери, что онъ „не можетъ много чувствовать“.

Еще откровеннѣе унтеръ-офицерская жена, заключающая свой рассказъ Хлестакову о томъ, какъ ее „отрапортовалъ“ городничій: „Ей-Богу, если не вѣришь, кормилецъ, я тебѣ, пожалуй, и знаки покажу“.

Не отступалъ авторъ и предъ наиболѣе дешевымъ средствомъ посмѣшить публику,—писалъ цѣлую сцену ревизора съ докторомъ Гибнеромъ (Христіаномъ Ивановичемъ), потѣшався надъ невѣроятнымъ русскимъ выговоромъ нѣмца и полнымъ невѣжествомъ Хлестакова въ нѣмецкомъ языкѣ.

Приходилось и о „Ревизорѣ“ повторить то же самое, что Гоголь говорилъ о своихъ малорусскихъ разсказахъ: „молодость, во время которой не приходятъ никакіе вопросы, подталкивала“.

„Мертвыя души“ также задумываются сначала, какъ „забавный анекдотъ“, по выраженію С. Т. Аксакова. И самъ Гоголь, сообщая о „предлинномъ романѣ“ Пушкину, выражаетъ надежду, что романъ „будетъ сильно смѣшонъ“. Недаромъ кн. П. А. Вяземскій въ это время говорилъ о Гоголѣ: „онъ отъ избытка веселости часто замирается, и вотъ чѣмъ веселость его прилипчива“. И говорилось это именно послѣ чтенія „Ревизора“.

Избытокъ веселости у „глубоко печальной натуры“!.. Кажется, одно съ другимъ несовмѣстимо, развѣ только веселость своего рода болѣзненный припадокъ.

На самомъ дѣлѣ веселость Гоголя вполне здоровая, иначе у нея не было бы избытка и она не отличалась бы прилипчивостью. Вопросъ въ томъ, что избирать предметомъ веселости?

Гоголь рѣшительно не повѣрилъ бы, если бы ему стали предсказывать, что „Ревизоръ“ его произнесетъ жестокій приговоръ надъ дореформенной бюрократіей, а „Мертвыя души“ вложить персть даже самаго равнодушнаго читателя въ язву крѣпостного права.

И Гоголь не только не повѣрилъ бы,—даже испугался бы и глубоко огорчился бы. Онъ, такой примѣрный сынъ старосвѣтскаго захолустья, и вдругъ виновникъ подобной смуты! Онъ просто желаетъ безобидно позабавиться надъ глупцами и плутами...

Но „Ревизоръ“ пишется долго и старательно. Гоголь здѣсь впервые переживаетъ настроенія, раньше только развѣ изрѣдка его посѣщавшія. Вскорѣ они станутъ обычными и принесутъ ему немало сомнѣній, колебаній, глубокихъ мученій.

Подъ его перомъ, на ходу самой работы, комедія нечувствительно растетъ и углубляется. Это явленіе пока чисто художественное. Всякій истинный артистъ непременно поддается чарующей власти собственнаго труда. Даже если онъ начнетъ его небрежно, шутя, трудъ захватитъ его. Художникъ весь уйдетъ въ процессъ работы, примется отдѣлывать всякую подробность, волноваться изъ-за неудачной черты, попеременно загораться вдохновеніемъ, впадать въ отчаяніе, боготворить свой геній и негодовать на свое безсиліе.

Эта многообразная поэма творчества, полная драмъ и лирическихъ вопросовъ, заполнила жизнь Гоголя, начиная съ „Ревизора“.

Постепенно комедія освободилась отъ излишествъ, сбросила съ себя кричащія смѣхотворные уборы, сжалась и уплотнилась,—и загремѣла со сцены пронизывающимъ смѣхомъ, гдѣ всякая нота сверкала и трепетала своей особою жизнью и гдѣ всѣ ноты вмѣстѣ раздались будто громъ надъ моремъ тьмы и неправды.

И гремѣла не напрасно.

Ничего подобнаго не бывало въ стѣнахъ русскаго театра. Публика собралась избранная, красота и сила столичнаго общества, и первый же актъ ошеломилъ зрителей. „Недоумѣніе“, по выраженію Аксакова, было всеобщимъ чувствомъ.

Что это такое? Фарсъ, вѣроятно? Столько смѣшныхъ лицъ и сценъ. Но эти лица и сцены не только смѣшны,—четвертый актъ прямо страшенъ. Если все это правда, какъ же тогда живетъ и держится русская земля? Но, можетъ-быть, это дерзкій вымыселъ легкомысленнаго писателя, преступная карикатура? Такъ это и кажется нѣкоторымъ, но большинство чувствуетъ, противъ воли чувствуетъ горькую правду всего, что происходитъ на сценѣ.

„Смѣхъ по временамъ еще перелеталъ изъ конца залы въ другой, но это былъ какъ-то робкій смѣхъ, тотчасъ же и пропадавшій; аплодисментовъ почти совсѣмъ не было, зато напряженное вниманіе—судорожное, усиленное слѣдованіе за всѣми отгѣнками пьесы, иногда мертвая тишина показывали, что дѣло, происходившее на сценѣ, страстно захватывало сердца зрителей“.

Но чѣмъ захватывало?

Только негодованіемъ. И оно было, по словамъ очевидца, всеобщимъ. Комедія, говоритъ самъ Гоголь, произвела „потрясающее дѣйствіе“. И онъ самъ пережилъ минуты, единственныя въ своей жизни.

Сначала на него, робкаго и зябкаго, пахнуло страшнымъ, знобящимъ холодомъ общественнаго гнѣва. И ознобъ былъ тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ неожиданнѣе онъ постигъ писателя. Гоголь съ дѣтства и ранней молодости привыкъ къ всевозможному уюту, и чтобы любящіе люди его окружали и рисовали ему отрадные перспективы будущихъ успѣховъ, и чтобы высшія силы вмѣшивались безпрестанно въ его дѣла и направляли ихъ къ его удовольствію. А если этого не случалось, съ Гоголемъ происходили настоящія драмы.

Когда онъ въ началѣ своей петербургской жизни напечаталъ свою школьную поэму „Ганцъ Кюхельгартенъ“ и поэму осмѣяли критики, онъ немедленно сжегъ книжку, навсегда замолчалъ о ней, какъ о роковой тайнѣ, и поспѣшилъ даже бѣжать изъ Петербурга за границу. Сколько угодно онъ могъ изобрѣтать объясненій своему бѣгству, толковать матери о какой-то несчастной любви и ссылаться даже на перстъ Божій, будто бы указавшій ему путь въ землю чуждую для совершенствованія,— все это краснорѣчіе и политика. Настоящая причина—невыносимый ударъ самолюбію и избалованному сердцу юноши тепличнаго душевнаго склада. Тогда путешествіе продолжалось всего около трехъ недѣль,—не было средствъ путешествовать, да и рана могла болѣе или менѣе зажить.

Теперь совсѣмъ другое положеніе и болѣе сложное.

Правда, Гоголю больно попрежнему, и онъ долго не можетъ справиться съ обидой. Вечеромъ въ день представленія школьный товарищъ поднесъ ему „Ревизора“, только что вышедшаго изъ печати, думалъ обрадовать.

— Полюбуйтесь на сынку, сказалъ онъ.

Гоголь швырнулъ книгу на полъ, подошелъ къ столу и, опираясь на него, проговорилъ задумчиво:

— Господи Боже! Ну, если бы одинъ, два ругали, ну, и Богъ съ ними, а то всѣ, всѣ...

И Гоголь рѣшилъ бѣжать изъ Петербурга и опять за границу.

Всякая мысль о комедіи долго причиняла ему боль; по его словамъ, онъ даже „получилъ отвращеніе къ театру“, рѣшительно отказался ѣхать въ Москву ставить „Ревизора“: „дѣлайте что хотите съ моей пьесой, писалъ онъ Щепкину;—но я не стану хлопотать, мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней“. И еще разъ онъ повторляетъ, что онъ „охладѣлъ къ ней“. Почти десять мѣсяцевъ спустя, рана все еще была свѣжа и Гоголь призывалъ моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры „Ревизора“. И если бы никто ни печатно, ни устно не произносилъ ни слова о немъ самомъ, онъ бы „благодарилъ судьбу“.

Но и это не все.

Гоголь быстро обобщилъ свою обиду, перенесъ ее вообще на русскаго писателя и сталъ горько оплакивать его участь.

„Грустно мнѣ, писалъ онъ Погодину, почти мѣсяцъ спустя послѣ представленія „Ревизора“,—это всеобщее невѣжество, движущее столицу,

грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водить за носъ; грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель“.

И Гоголь уже чувствуетъ свою „печальную будущность“, свое одиночество среди соотечественниковъ, хотя онъ и „сильно“ любитъ и отечество и соотечественниковъ.

Эта *общая* тоска останется у Гоголя на всю жизнь. Когда къ нему придетъ вѣсть о смерти Пушкина, его первой мыслью будетъ воспоминаніе о Россіи, какъ о „могилѣ“, безжалостно похитившей „все, что есть драгоцѣннаго для сердца“, и ужась передъ русскимъ обществомъ—его невольное чувство.

Онъ не можетъ забыть о своей родинѣ, онъ ею только и живетъ, какъ человѣкъ и художникъ,—но онъ не вернется домой. На приглашеніе Погодина онъ, проживъ около года за границей, отвѣчаетъ однимъ изъ самыхъ искреннихъ своихъ писемъ, и этотъ отвѣтъ раскрываетъ намъ чувства Гоголя, съ какими онъ надолго покидалъ Россію:

„Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ. Для чего? Не для того ли, чтобы повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ?.. Для чего я приѣду? Не видалъ я развѣ дорогаго сборища нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ? Ты пишешь, что всѣ люди, даже холодные были тронуты этою потерей (смертью Пушкина). А что эти люди готовы были дѣлать ему при жизни? Развѣ я не былъ свидѣтелемъ горькихъ, горькихъ минутъ, которыя приходилось чувствовать Пушкину, не смотря на то, что самъ монархъ (буди за то благословенно имя его)! почиталъ (его) талантъ? О, когда я вспомню нашихъ судей, меценатовъ, ученыхъ умниковъ, благородное наше аристократство, сердце мое содрогается при одной мысли! Должны быть сильныя причины, когда онѣ меня заставили рѣшиться на то, на что бы я не хотѣлъ рѣшиться“...

Но обида на брань и клевету была не единственнымъ чувствомъ.

Критики сколько угодно могли поносить „Ревизора“. Булгаринъ даже опечаткой пользовался затѣмъ, чтобы доказать неумѣнье Гоголя писать „чисто“ по-русски, и рѣшительно обзывалъ комедію фарсомъ, ея лица—смѣшными карикатурами. Сенковскій шелъ дальше и находилъ „Ревизора“ самымъ „грязнымъ“ произведеніемъ Гоголя. Кругомъ Гоголя только и раздавалось: „Либераль, революціонеръ, клеветникъ на Россію! Въ Сибирь

его!" И кричали люди очень почтенные и внушительные. Было, отчего смутиться. Но Гоголь не могъ не видѣть и обратной стороны всего этого шума. Комедія имѣла неслыханный успѣхъ. Гоголь его и отмѣчалъ одновременно съ бранью: „бранягъ и ходять на піесу: на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ“.

И вотъ у Гоголя столкнулись два чувства: жгучая обида на ожесточенныя нападки, особенно на обвиненія въ ненависти къ Россіи, въ желаніи унижить соотечественниковъ,—и сознаніе силы своего таланта. Гоголь, по его словамъ, почувствовалъ, что смѣхъ его не тотъ, какой былъ прежде,—и онъ „наконецъ, задумался“.

„Накопецъ“... Только „потрясающее дѣйствіе“ „Ревизора“ заставило Гоголя окончательно остановиться на вопросѣ, что такое его писательскій талантъ? Онъ и раньше зналъ, какъ заразителенъ его смѣхъ. Теперь онъ увидѣлъ, что этого смѣха боятся, какъ великой силы. Цѣлымъ сословія могутъ быть приведены имъ въ страстное движеніе. Значить, съ этой силой надо обращаться осторожно,—быть комическимъ писателемъ—дѣло въ высшей степени отвѣтственное.

И всю тяжесть этой отвѣтственности Гоголь начинаетъ чувствовать на себѣ. Его нравственный міръ глубоко потрясенъ. Онъ вступаетъ на путь, какого онъ столько лѣтъ искалъ напрасно, по окольнымъ дорогамъ, на путь призванія. Наконецъ передъ нимъ открывается настоящая, ему опредѣленная „служба государству“.

Пока эти мысли скорѣе чутье, чѣмъ ясно сознанная цѣль,—но онъ ярко отражаются на всей личности писателя.

Цензоръ Никитенко, человѣкъ очень понимающій и наблюдательный, видитъ Гоголя недѣлю спустя послѣ перваго представленія „Ревизора“ и записываетъ въ своемъ дневникѣ: „Гоголь имѣетъ видъ великаго человѣка, преслѣдуемаго оскорбленнымъ самолюбіемъ. Впрочемъ, Гоголь дѣйствительно сдѣлалъ важное дѣло. Впечатлѣніе, производимое его комедіей, много прибавляетъ къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которые накаплиются въ умахъ отъ существующаго у насъ порядка вещей“.

Никитенко могъ вносить въ свои наблюденія долю ироніи, но и онъ не могъ согласиться, что Гоголь, пожалуй, имѣлъ право имѣть видъ „великаго человѣка“.

А Гоголю, необыкновенно нервному, одаренному ясновидѣніемъ гениальнаго художника и психолога, не требовались ничьи откровенія, — онъ

ѣхалъ за границу, обуреваемый самыми величественными думами, какія только могутъ быть удѣломъ писателя.

IV.

„Ѣду разгулять мою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія“.

Такъ объяснялъ Гоголь въ письмѣ къ Погодину свою поѣздку за границу, и здѣсь каждое слово — отголосокъ пережитаго. Гоголь говорилъ объ *обязанностяхъ авторскихъ*. Позже, въ „Исповѣди“ онъ объяснилъ, что это значило,—и мы заранѣе знаемъ смыслъ его объясненій.

Еще въ ранней молодости Гоголь не переставалъ мечтать о службѣ, и непремѣнно полезной государству. Теперь, послѣ представленія „Ревизора“, „я, говоритъ Гоголь,—почувствовалъ, что на поприщѣ писателя могу сослужить также службу государственную“. И лишь только онъ это почувствовалъ,—онъ сдѣлалъ то же, что сдѣлалъ бы для всякой другой службы, если бы призналъ ее своимъ призваніемъ:

„Я бросилъ все: и прежнія свои должности, и Петербургъ, и общество близкихъ душъ моей людей, и самую Россію, затѣмъ, чтобы вдали и въ уединеніи отъ всѣхъ обсудить, какъ это сдѣлать, какъ произвести такимъ образомъ свое творенье, чтобы доказать, что я былъ также гражданинъ земли своей и хотѣлъ служить ей“.

Искусство становится *главнымъ и первымъ* дѣломъ въ жизни Гоголя, а все прочее *вторымъ*. Это его выраженія, и онъ еще опредѣленнѣе поясняетъ ихъ: „мнѣ казалось, что уже не долженъ я связываться никакими другими узами на землѣ, ни жизнью семейной, ни должностной жизнью гражданина, и что словесное поприще есть тоже служба“.

И Гоголь весь поглощенъ мыслью установить направленіе своего таланта. „Пора мнѣ творить съ большимъ размышленіемъ“, безпрестанно повторяетъ онъ передъ поѣздкой за границу. И чѣмъ больше размышляетъ, тѣмъ выше и отвѣтственнѣе кажутся ему его писательскія обязанности. Имъ онъ принесъ въ жертву все, что зовется личной жизнью. Впослѣдствіи онъ имѣлъ право писать министру Уварову о первомъ томѣ „Мертвыхъ душъ“:

„Все мое имущество и состояніе заключено въ трудъ мой. Для него я пожертвовалъ всѣмъ, обрекъ себя на строгую бѣдность, на глубокое

уединеніе, терпѣлъ, переносилъ, пересиливалъ сколько могъ мои болѣзненные недуги, въ надеждѣ, что когда совершу его,—отечество не лишитъ меня куска хлѣба и просвѣщенные соотечественники преклонятся ко мнѣ съ участіемъ, оцѣнятъ посильный даръ, который стремится всякій русскій принести своей отчизнѣ“.

Кто такъ смотритъ на свое дѣло, тотъ естественно придаетъ высшую цѣну и своей жизни, насколько она нужна для этого дѣла. И Гоголь, неизмѣнно религіозный, свое представленіе о долгѣ, о провиденціальномъ назначеніи человѣка переноситъ на свое писательство. Почувствовавъ его громадную силу и рѣшивъ отдать ему всѣ свои силы, Гоголь сознаетъ себя во власти высшей руководящей силы. Ему не надо нарочито взвинченныхъ настроеній, литераторскаго тщеславія. Достаточно чувствовать всю отвѣтственность принятаго на себя долга,—и онъ долженъ заговорить тѣми же рѣчами, какія свойственны вообще подвижникамъ.

Рѣчи эти другимъ будутъ казаться странными, чрезъ мѣру притязательными, но онъ естественное выраженіе думъ человѣка, самоотрекшагося во имя общаго блага.

„Я чувствую, что неземная воля направляетъ путь мой“, говоритъ Гоголь еще предъ отправленіемъ за границу. Онъ уже чувствуетъ въ себѣ „львиную силу“. И это чувство растетъ въ немъ вмѣстѣ съ обдумываніемъ новаго труда.

Это — первый томъ „Мертвыхъ душъ“. Онъ уже начать, и въ томъ духѣ, въ какомъ писался и „Ревизоръ“, онъ также сатира, также долженъ быть переполненъ „несправедливостями“, какія только творятъ на Руси, всѣмъ, достойнымъ „осиѣянья всеобщаго“. Но можетъ ли теперь писатель остановиться на этомъ планѣ, онъ, взирающій на выполнение его, какъ на свое посланничество свыше?

Нѣтъ. Мы знаемъ, его глубоко потрясло негодованье общества. Негодованіе, несомнѣнно, было несправедливо, но Гоголь не могъ успокоиться на этомъ выводѣ. Всякій другой писатель только торжествовалъ бы послѣ такого шумнаго успѣха,—для Гоголя самый этотъ успѣхъ звучалъ укоризной.

Вызывать злобу и ненависть—такъ тяжело для человѣка, отъ природы менѣе всего воинственнаго, всѣми нитями своего существа связаннаго къ идиллически-тихому, мягкому патріархальному быту своей старосвѣтской родины. Но это еще не все: самый страшный ужасъ для

Гоголя заключался въ томъ, что „Ревизора“ не такъ поняли, какъ онъ ожидалъ, т.-е. не поняли ни цѣли, ни размаха его сатиры. „Въ комедіи, говоритъ онъ,—стали видѣть желаніе осмѣять узаконенный порядокъ вещей и правительственныя формы, — тогда какъ у меня было намѣреніе осмѣлить только самоуправное отступленіе нѣкоторыхъ лицъ отъ форменнаго и узаконеннаго порядка“.

Въ высшей степени крупное недоразумѣніе.

Почему же оно могло случиться?

Гоголь рѣшаетъ вопросъ вполне опредѣленно: виноватъ онъ—авторъ.

Въ комедіи онъ преднамѣренно собралъ только отрицательныя стороны русскаго человѣка и русской жизни, — и впечатлѣніе получилось превратное. Комедія вышла произведеніемъ *неполнымъ*, и публика, слѣдовательно, во многихъ отношеніяхъ права: „въ моихъ сочиненіяхъ очень, очень много грѣховъ“, пишетъ Гоголь, обдумывая „Мертвыя души“. И грѣхи—это именно, по мнѣнію Гоголя, одностороннее воспроизведеніе русской дѣйствительности. Загладить грѣхи можно только однимъ средствомъ: создать произведеніе *полное*, „большое сочиненіе“, гдѣ бы представлено было не только дурное, но и все, что ни есть хорошаго въ русскомъ человѣкѣ. Надо изобразить явленія самыя яркія, отражающія всю глубину русской природы, ея „коренныя свойства“.

„Мнѣ хотѣлось, говоритъ Гоголь,—выставить преимущественно тѣ высшія свойства русской природы, которыя еще не всѣми цѣнятся справедливо, и преимущественно тѣ низкія, которыя еще недостаточно всѣми осмѣяны и поражены“.

Значить, будущее произведеніе будетъ не только сатирой, но и одой, панегирикомъ, будетъ не только осмѣивать, но и восторгаться.

Пока, слѣдовательно, первая часть „Мертвыхъ душъ“ допустима, но только какъ вступленіе. Она, естественно, въ планѣ автора занимаетъ самое послѣднее мѣсто, потому что продолжаетъ его старое, исключительно сатирическое направленіе, то самое, какое вызвало столь тягостныя кривотолки. Вся жажда души Гоголя сосредоточена на другомъ, новомъ, какое должно все объяснить и все примирить, показать въ авторѣ истиннаго сына своей родины, отнюдь не врага и поносителя своихъ соотечественниковъ.

И Гоголь пишетъ первый томъ, весь поглощенный думами объ его продолженіи. Это, по его выраженію, точно крыльцо, да и то еще по-

строенное губерскимъ архитекторомъ, къ будущему великолѣпному дворцу. И Гоголь страстно желаетъ возможно скорѣе выстроить это крыльцо, чтобы приступить къ самому зданію.

Болѣзни начинаютъ жестоко терзать Гоголя. Быстро наступаетъ наслѣдственное истощеніе силъ. Случается, Гоголю кажется смерть недалеко, и онъ принимается за составленіе своей послѣдней воли; на него нападаютъ состоянія безчувственности, маразма, умственного безволія,—результатъ крайнихъ физическихъ немощей. Только итальянское солнце да поѣздки поддерживаютъ энергію его хлипкаго тѣла. Но всякая минута облегченія отдается труду съ горячей благодарностью Богу и за эти минуты.

Гоголь описываетъ, съ какимъ восторгомъ онъ торопится воспользоваться проблесками своего болѣзненнаго существованія и какъ часто дорого платится за свою торопливость.

Вотъ, напримѣръ, исторія въ Вѣнѣ, самая простая, но въ своемъ родѣ единственная въ лѣтописяхъ литературы. Гоголь началъ пить маріенбадскую воду, ему стало легче. „Летаргическое умственное бездѣйствіе“ разсѣялось, и вотъ какъ онъ рассказываетъ Погодину о своихъ впечатлѣніяхъ и дѣйствіяхъ:

„Я почувствовалъ, что въ головѣ моей шевелятся мысли, какъ разбуженный рой пчелъ; воображеніе мое становится чутко. О, какая была эта радость, если бы ты зналъ!... Во мнѣ почувствовался сладкій трепеть, и я, забывши все, переселился вдругъ въ тотъ міръ, въ которомъ давно не бывалъ, и въ ту же минуту засѣлъ за работу, забывъ, что это все не годилось во время питія воды, и именно тутъ-то требовалось спокойствіе головы и мыслей. Но впрочемъ, какъ же мнѣ было воздержаться? Развѣ тому, кто просидѣлъ въ темницѣ безъ свѣту солнечнаго нѣсколько лѣтъ, придетъ на умъ, по выходѣ изъ нея, жмурить глаза изъ опасенія ослѣпнуть и не глядѣть на то, что радость и жизнь для него? Притомъ я думалъ: „можетъ быть, это только мгновенье, можетъ, это опять скроется отъ меня, и я буду потомъ вѣчно жалѣть, что не воспользовался временемъ пробужденія силъ моихъ“.

Кто такъ относится къ своему труду, тотъ, естественно, переживаетъ совершенно исключительныя состоянія духа. И чтобы понять ихъ, надо войти въ психологію столь удивительнаго писателя. Обыкновенно даже самыя важныя занятія вовсе не ставятся людьми выше здоровья,

личнаго спокойствія и счастья; всѣ болѣе или менѣе стараются примирить обязанности съ пріятностями жизни. И здѣсь ничего нѣтъ преступнаго, — подвиги вовсе не обязательны, и они не входятъ въ программу общечеловѣческихъ добродѣтелей. Къ нимъ люди очень трудно привыкаютъ и признаютъ ихъ обыкновенно не столько по личнымъ наблюденіямъ, сколько на основаніи историческихъ документовъ. Надо умереть, чтобы прослыть и героемъ и подвижникомъ. Потомство еще, пожалуй, рѣшится удостовѣрить эту славу,—но современники, даже наиболѣе благожелательные, встрѣчаютъ недовѣрчиво незаурядныя нравственныя усилія во имя общей цѣли.

Гоголь испыталъ этотъ невольный чисто человѣческій скептицизмъ въ самой горькой формѣ. Именно ему было не подъ силу бороться съ недовѣріемъ. Никто меньше его не годился въ герои, надменно встрѣчающіе оскорбленія среды. Напротивъ, онъ всю жизнь жаждалъ привѣта и поддержки. Онъ и отношенія къ Богу понималъ чрезвычайно своеобразно: къ Богу надо ближе „прижаться“, какъ прижимается къ матери любимое дитя.

И вотъ такой-то зябкій человѣкъ оказался на положеніи героя долга. Онъ все отдалъ этому долгу—и силы, и покой, и вѣру, и надежды. У него нѣтъ этого долга нѣтъ ни нужды, ни интересовъ. Вскорѣ онъ дойдетъ до того, что станетъ просить своихъ пріятелей взять на себя хлопоты по его матеріальнымъ дѣламъ, освободить его отъ денежныхъ заботъ, пока онъ не кончитъ своей книги.

„Я не въ силахъ теперь думать о моихъ житейскихъ дѣлахъ“, пишетъ онъ московскимъ друзьямъ и проситъ ихъ: „соберите деньги хотя въ видѣ милостыни. Я нищій и не стыжусь своего званія“. Онъ рѣшается написать совсѣмъ наивную фразу, на обычный взглядъ: „соединитесь ради меня тѣснѣй и больше и сильнѣй другъ съ другомъ и подвигнитесь ко мнѣ святой христіанской любовью, которая не требуетъ никакихъ вознагражденій“.

Это говорится Аксакову, Шевыреву, Погодину, людямъ, далеко не сердечно преданнымъ другъ другу: семьѣ Аксаковыхъ и Погодину не удавалось жить въ ладу, и о любви между ними не могло быть и рѣчи. Но Гоголь съ высоты своего подвижническаго дѣла считалъ возможнымъ пренебрегать всѣми обычаями и отношеніями будничнаго міра. И онъ это пренебреженіе возводитъ въ правило:

„Кто рѣшился исполнить свое дѣло честно, того не могутъ поколебать никакія обстоятельства, тотъ протянетъ руку и попросить милостыню, если ужъ до того дойдетъ дѣло, тотъ не посмотритъ ни на какія временныя нареканія, ниже пустыя приличія свѣта. Кто изъ пустыхъ приличій свѣта портитъ дѣло, нужное своей землѣ,—тотъ ея не любитъ“.

Таково убѣжденіе Гоголя, ушедшаго на вершины гражданскаго художественнаго творчества.

Сколько можно сдѣлать того, что называется неловкостями, безтактностями, даже преступленіями предъ здравымъ смысломъ?

И Гоголь шелъ по этому пути безтактистей и проступковъ — съ неуклоннымъ постоянствомъ и часто вполне сознательно, не считая нужнымъ или даже достойнымъ себя сообразоваться съ общепринятыми правилами и привычками.

Дѣйствовалъ онъ странно и въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ людьми, и въ перепискѣ съ ними и, наконецъ, въ своихъ сочиненіяхъ. И причина странностей всюду одна и та же—беззавѣтная преданность Гоголя своему писательскому долгу, какъ службѣ предъ государствомъ и обществомъ.

Въ обществѣ на него часто смотрѣли съ недоумѣніемъ и негодованіемъ. Онъ не умѣлъ пріятно бесѣдовать, внимательно относиться къ чужой бесѣдѣ, рѣзко обрывалъ разговоръ, а то и просто сурово молчалъ или даже убѣгалъ отъ собесѣдниковъ, „улепетывалъ“, по его собственному выраженію. Иногда послѣ Гоголю и самому становилось неловко и онъ пытался оправдываться, по крайней мѣрѣ, предъ наиболее уважаемыми пріятелями. Такъ Плетневу онъ писалъ:

„Признайтесь: не показался ли я вамъ страннымъ въ наше послѣднее свиданіе, неоткровеннымъ и необщительнымъ,—словомъ, страннымъ? Не могъ я вамъ показаться иначе, какъ такимъ: захлопотанный собою, занятый мыслію объ одномъ себѣ, о моемъ внутреннемъ хозяйствѣ, объ управленіи моими непокорными слугами, находящимися во мнѣ, надъ которыми слѣдовало вознестись—иначе какъ разъ очутишься въ ихъ власти—занятый всѣмъ этимъ, я не могъ быть откровеннымъ и свѣтлымъ: это—принадлежности безмятежной души“.

Такъ писалъ Гоголь послѣ окончанія перваго тома „Мертвыхъ душъ“. Но процессъ переживался гораздо раньше. Въ немъ лежитъ разгадка тягостныхъ отношеній между Гоголемъ и Погодинымъ. Профессоръ, боль-

шой практикъ и вообще вполне реальный, почвенный человекъ, никакъ не могъ войти въ сложную психологію Гоголя.

Ничего нѣтъ особеннаго, казалось ему, писать художественныя сочиненія, разъ у человека есть талантъ. Сѣлъ, написалъ, сдалъ въ журналъ и получилъ деньги, или отдалъ въ счетъ долга, какъ это былъ обязанъ дѣлать Гоголь по отношенію къ издателю „Москвитянина“. И вмѣсто этого—писатель переживалъ какія-то удивительныя настроенія, мѣшавшія ему работать и вступать въ житейскія пріятельскія откровенности съ благодѣтелями.

И Погодинъ нещадно царапалъ и изъяснилъ душу художника, все равно, какъ рыночный покупательъ хватаетъ кое-какъ драгоценнѣйшія произведенія искусства, не постигая тонкости работы, благородства стиля, поэзіи красокъ.

Доходило до того, что Погодинъ производилъ на Гоголя впечатлѣніе духа тьмы и несчастный поэтъ не зналъ, какъ спасти свою душу отъ медвѣжьихъ, хотя, несомнѣнно, не злонамѣренныхъ, но безотчетно мучительскихъ лапъ доброжелателя.

Погодинъ рѣшительно не понималъ, по натурѣ не былъ способенъ понять,—чѣмъ онъ заставляетъ страдать Гоголя? А отъ непониманія предмета до злобы на него—меньше шага, и Погодинъ не находилъ нужнымъ стѣсняться въ издѣвательствахъ надъ тѣмъ, что выходило за предѣлы его разумнѣія. „Чудакъ“—на его языкъ было самой мягкой оцѣнкой душевныхъ терзаній Гоголя.

Въ устахъ такого положительнаго мудреца жизни слово „чудакъ“ звучало до послѣдней степени обидно, вызывающе. И даже не обладай Гоголь особеннымъ самолюбіемъ, онъ не смѣлъ бы покорно склониться предъ такимъ высокоуміемъ душевной тупости, сердечной ограниченности. И Гоголь не склонился. Онъ долженъ былъ пережить жесточайшія минуты, когда онъ вырывался изъ дома Погодина будто „изъ многолѣтняго мрачнаго заключенія“ и Погодинъ казался ему „страшнымъ“. И все по самой простой причинѣ: Погодинъ *не вѣрилъ*, будто Гоголь не можетъ писать, когда это надо „Москвитянину“, и преспокойно обращался съ своимъ гостемъ, какъ со своего рода ловкимъ банкротомъ, злостнымъ неплательщикомъ, выдумывающимъ для оправданія какія-то чудаческія хитросплетенія.

У Погодина не было „внутренняго чутья слышать людей“, по вы-

раженію Гоголя, а здѣсь еще приходилось „слышать“ такого своеобразнаго человѣка и художника, который самъ съ геніальнымъ чутьемъ художника превосходно „слышалъ“ самого Погодина, читалъ, какъ онъ самъ говоритъ, на лицѣ Погодина то, что Погодинъ о немъ думалъ.

Пришлось и съ нимъ объясняться, безъ всякой надежды на успѣхъ. Въ концѣ 1840 года Гоголь писалъ Погодину:

„Когда-нибудь въ обоюдной встрѣчѣ, можетъ быть, на меня найдетъ такое расположеніе, что слова мои потекутъ и я съ чистой откровенностью ребенка повѣдаю состояніе души моей, причинившей многое вольное и невольное. О, ты долженъ знать, что тотъ, кто созданъ сколько-нибудь творить въ глубинѣ души, жить и дышать своими твореньями, тотъ долженъ быть страненъ во многомъ. Боже, другому человѣку, чтобы оправдать себя, достаточно двухъ словъ, а ему нужны цѣлыя страницы. Какъ это тягостно иногда! Но довольно. Цѣлую тебя“.

Не могли помочь дѣлу ни страницы, ни поцѣлуи. Почти два года спустя, Погодинъ дошелъ до крайняго негодованія на Гоголя, долго не находилъ въ себѣ силы даже писать ему: такъ онъ самъ признавался Гоголю,—а Гоголь въ отвѣтъ рассказывалъ, какъ и ему было тягостно въ присутствіи Погодина.

Подлинная драма! И она завершилась необыкновеннымъ финаломъ. Въ „Выбранныхъ мѣстахъ“ Гоголь посвятилъ Погодину нѣсколько жестокихъ укорищъ, начавъ все съ того же—съ неразумнаго усердія Погодина непремѣнно тиснуть въ своемъ журналѣ „какія ни попало строки извѣстнаго писателя“. Особенно было безжалостно утвержденіе, будто Погодинъ за тридцать лѣтъ работы ни отъ кого не дождался „спасибо“ и не научился прилично и съ тактомъ вести бесѣды на общественныя темы. Укорищны эти страшно возмутили лучшихъ благожелателей Гоголя,—онъ и самъ призналъ свою опрометчивость,—но она была крикомъ наболѣвшаго сердца, протестомъ высмѣянной до болѣзненности нервной души, местию художника-аристократа, оскорбленнаго грубымъ плебеемъ-практикомъ, всюду пускавшимъ топоръ, гдѣ непремѣнно требовались болѣе тонкіе инструменты, „помельче“, какъ выражался Гоголь.

Но даже кто и не страдалъ топорностью Погодина,—могъ приходить въ смущеніе отъ рѣчей Гоголя.

Работа надъ первымъ томомъ „Мертвыхъ душъ“ все время сопровождается чрезвычайными изліяніями автора. Гоголь приходилъ въ вос-

торгъ, отъ развертывавшейся предъ нимъ перспективы. „Какой огромный, какой оригинальный сюжетъ!.. восклицаетъ онъ.—Вся Русь явится въ немъ... Священная дрожь пробираетъ меня... Божественныя вкушу минуты... Огромно, велико мое твореніе... Кто-то незримый пишетъ передо мною таинственнымъ жезломъ“...

Все это относится еще къ 1836 году. Но когда подходитъ конецъ перваго тома,—экстазъ Гоголя достигаетъ высшей степени. Гоголь прямо заявляетъ, что его „нужно лелѣть“ и не для него самого, сравниваетъ себя съ вазой: она вся въ трещинахъ, еле держится, но въ ней „заключено сокровище“. Онъ теперь неприкосновененъ: „великій грѣхъ“ оторвать его „отъ великаго и спасительнаго подвига“. Даже его слова приобрѣли особую власть: „горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова!“ пишетъ онъ школьному товарищу, и смѣло пророчествуетъ объ его будущемъ счастьѣ.

Книга готова, и онъ диктуетъ ее Анненкову въ Римѣ. Это было настоящимъ праздникомъ для души художника. Рѣчь лилась самоудовлетворенно, мѣрно, торжественно, съ глубокимъ чувствомъ. Голосъ поэта звучалъ сильно, внушительно, вдохновенно. Гоголь переживалъ картины и эпизоды, и сообщалъ свое волненіе переписчику. Онъ сознавалъ все величіе созданнаго имъ, и однажды вечеромъ, послѣ диктовки, произошла любопытная сцена. Гоголь отправился прогуляться. Когда дорога свернула въ глухой переулокъ, Гоголь принялся пѣть удалую малорусскую пѣсню, потомъ пустился въ плясъ и сталъ вывертывать на воздухѣ такіа шутки, что ручка зонтика осталась у него въ рукахъ, а остальное полетѣло въ сторону; Гоголь быстро поднялъ—и продолжалъ пѣсню.

Такъ онъ былъ доволенъ своимъ трудомъ! И это чувство подсказало ему выпрениія рѣчи въ письмахъ и въ самой поэмѣ.

Онъ вызвали всеобщее недоумѣніе. Бѣлинскій, давно привыкшій талантомъ Гоголя питать свой собственный талантъ, не могъ постигнуть, откуда у такого строгаго искренняго реалиста взялись какіе-то туманные восторженные намеки?

Гоголь спрашивалъ прямо у самой Россіи: „Русь, чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?“

Небывалая бесѣда!

А между тѣмъ она была неизбѣжна.

Около шести лѣтъ писатель работалъ надъ книгой, и работалъ съ страшными, часто страдальческими усиліями. Творчество Гоголя совсѣмъ особенное. „Вслѣдствіе устройства головы моей, писалъ Гоголь,—я могу работать вслѣдствіе только глубокихъ обдумываній и соображеній“. Воображеніе у Гоголя на послѣднемъ планѣ, главное—соображеніе: „чѣмъ болѣе вещей принималъ я въ соображеніе, тѣмъ у меня вѣрнѣй выходило созданіе. Мнѣ нужно было знать гораздо больше, сравнительно со всякимъ другимъ писателемъ, потому что стоило мнѣ нѣсколько подробностей пропустить, не принять въ соображеніе,—и ложь у меня выступала ярче, нежели у кого другого“.

Это касается содержанія. Не меньше затрудненій и въ формѣ. Она была причиной того, что Гоголь до конца могъ говорить: „меня нельзя назвать писателемъ въ строгомъ классическомъ смыслѣ“. И это потому, что Гоголь владѣлъ словомъ съ величайшими затрудненіями. Онъ постоянно поручалъ другимъ исправлять свой слогъ, заранѣе выражая увѣренность, что выйдетъ лучше. „Мнѣ, говоритъ онъ,—доставалось трудно все то, что достается легко природному писателю. Я до сихъ поръ какъ ни бьюсь, не могу обработать слогъ и языкъ свой—первыя необходимыя орудія всякаго писателя. Они у меня до сихъ поръ въ такомъ неряшествѣ, какъ ни у кого—даже изъ дурныхъ писателей, такъ что надо мною имѣть право смѣяться едва начинающій школьникъ“.

Это писалось вскорѣ послѣ „Ревизора“, было несомнѣнно, преувеличеніемъ,—но столь же несомнѣнны громадныя усилія Гоголя выработать всякую фразу. Это видно по его рукописямъ, это доказывается множествомъ варьянтовъ однихъ и тѣхъ же мѣстъ, даже отдѣльныхъ выраженій.

У насъ есть слѣдующее сообщеніе *) о Гоголь-писателѣ, вполне достовѣрное: „Когда Гоголь говоритъ, что ломалъ надъ чѣмъ-нибудь голову,—это надобно понимать въ самомъ тѣсномъ смыслѣ. Нѣкоторые изъ близкихъ къ нему людей подсматривали, что онъ дѣлаетъ запершись у себя въ комнатѣ и принявшись за работу. Это были самыя странныя, самыя смѣшныя и жалкія гимнастическія упражненія. Онъ размахивалъ руками, упирался кулаками въ бока, вертѣлся на всѣ стороны, схваты-

*) Кулиша.

валъ себя за волосы, взъерошивалъ ихъ самымъ дикимъ образомъ и выдѣлывалъ необыкновенныя гримасы. Отъ этого-то онъ иначе не принимался за трудную работу, какъ запершись накрѣпко въ своемъ кабинетѣ, къ которому отданъ былъ слугѣ приказъ—не допускать никого близко“.

Замѣтите, столько усилій требовала отъ писателя *форма* его сочиненій. Прибавимъ къ этому его идеальную добросовѣстность, его безпримѣрную строгость и мнительность по поводу всякой мелочи своего труда. Ничего не можетъ быть правдивѣе и искреннѣе слѣдующаго его заявленія Шевыреву, понуждавшему его работать скорѣе: „никакая сила не можетъ заставить меня произвести, а тѣмъ болѣе выдать вещь, которой незрѣлость и слабость я уже вижу самъ. Я могу умереть съ голода, но не выдамъ безразсуднаго, необдуманнаго творенія“.

Такой трудъ нельзя нести безнаказанно. Были вполне правы тѣ, кто преждевременную старость Гоголя приписывали въ сильной степени его изнурительной писательской работѣ. Гоголь чувствовалъ, какъ изнуреніе быстро растетъ, и былъ, по его словамъ, расцѣтливъ на время. Онъ просилъ у Бога жизни ровно столько, чтобы кончить свой трудъ...

Вдумаемся въ эту психологію,—и послѣ этого подойдемъ къ странному восторженному лиризму Гоголя. Развѣ человѣкъ, все отдавшій своему долгу передъ родиной, не имѣлъ права обратиться къ ней съ рѣчью, какъ къ единственному близкому существу? Гоголь, по его словамъ, только потому и „примирился съ писательствомъ своимъ, когда почувствовалъ, что и на этомъ поприщѣ можетъ также служить землѣ своей“. И онъ служилъ, какъ подвижникъ. Не естественно ли ему было съ открытой благородной гордостью поставить свой трудъ, *выработанный потомъ и кровью*, передъ лицомъ родины и смѣло спросить ея суда? Вѣдь жизнью былъ завоеванъ этотъ трудъ,—и, если воинъ, умирающій на полѣ битвы, призываетъ отечество въ свидѣтели своей самоотверженно пролитой крови, въ этомъ же правѣ нельзя отказать писателю, всего себя отдавшему писательской гражданской службѣ.

Правда, никто еще не произносилъ подобныхъ обращеній,—но вѣдь никто и не былъ такимъ писателемъ, никто не превращалъ своей жизни въ монастырь во имя искусства, полезнаго другимъ. Къ Гоголю слѣдовало подойти съ мѣркой такой же исключительной, какъ исключительна самая его личность. Но развѣ легко мирятся люди съ чрезвычайнымъ и небывалымъ? И Гоголя стали судить по общепринятому литературному

уложенію, и произнесли искренній приговоръ даже лучшіе и умнѣйшіе изъ судей.

Но судей этихъ ждалъ еще сильнѣйшій искусъ. Совершенно безвыходное недоумѣніе готовилось имъ впереди. Правда, писатель предупреждалъ публику о чемъ-то очень величественномъ, намекалъ на „грозную выюгу вдохновенья“, которая подымется инымъ кличемъ изъ облеченной въ священный ужасъ и блистанье главы...

Одно было ясно: иной кличъ—значить, не тѣ „странные герои“, какіе наполнили первую часть „Мертвыхъ душъ“, а „мужъ, одаренный божескими доблестями“ и „чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ“.

Вотъ что обѣщала авторъ въ продолженіи своей поэмы,—обѣщала не болѣе, не менѣе, какъ „несмѣтное богатство русскаго духа“.

Что это было—прихоть художника, игрой его воображенія, разстроеннаго отшельничествомъ, или глубокой нравственной задачей, также входившей въ его „службу“?

V.

Мы знаемъ, Гоголь писалъ первый томъ „Мертвыхъ душъ“ только какъ вступленіе къ будущему великому труду, и вступленіе несовершенное: писатель былъ здѣсь связанъ съ своими ранними творческими задачами изображать отрицательныя стороны русской жизни. Должно было выйти такое же *неполное* сочиненіе, какъ и „Ревизоръ“,—и Гоголь усиленно старался подчеркнуть эту неполноту, подготовительный характеръ книги. Онъ это дѣлалъ безпрестанно въ письмахъ, объявилъ и въ самой книгѣ, указавъ въ то же время первую свою задачу—рисовать доблести русскаго человѣка.

И еще не успѣла книга появиться въ печати, Гоголь уже недоволенъ ею, видитъ „многіе недостатки“,—и въ высшей степени любопытно, почему:—по сравненію первой части съ тѣми, „которыя имѣются быть впереди“.

Это недовольство такъ и останется, при совершенно ясныхъ мотивахъ. Для Гоголя непріятно извѣстіе о переводѣ „Мертвыхъ душъ“ на нѣмецкій языкъ. Онъ боится, какъ бы иностранцы не приняли его книги за „портретъ Россіи“. Слѣдуетъ подождать окончанія поэмы.

Это тѣмъ необходимо, что въ самой Россіи уже нашлись люди, впавшіе въ „глупую ошибку“, т.-е. дѣйствительно принявшіе „Мертвыя души“ за портретъ Россіи.

Поэма вызвала не меньше нареканій, чѣмъ „Ревизоръ“. По словамъ С. Т. Аксакова, патріоты со слезами на глазахъ приходили въ совершенное отчаяніе и вопіяли: „Гоголь не любитъ Россіи“, даже русская погода не пощажена,—все мокрая и грязная. Даже нѣкоторые добрые и хорошіе люди, говоритъ Аксаковъ,—до конца своей жизни вознегодовали на Гоголя.

Слѣдовательно, Гоголь опять оскорбилъ соотечественниковъ, возмутилъ публику и далъ основаніе людямъ критическаго и отрицательнаго направленія восторгаться этой смутой.

Мы знаемъ впечатлѣнія Гоголя послѣ „Ревизора“. Съ тѣхъ поръ писатель успѣлъ уже давно и окончательно признать неудовлетворительность своего чисто сатирическаго таланта, нравственно и физически сильно „расколебался“ и сталъ еще воспріимчивѣе къ внѣшнему и внутреннему холоду, къ „житейскому дрягу“.

„Меня мучитъ свѣтъ и сжимаетъ тоска“, пишетъ онъ уже при первыхъ толкахъ и пересудахъ объ его книгѣ. „Я чувствую, что разорвались послѣднія узы, связывавшія меня со свѣтомъ... Я не рожденъ для тревоженій и чувствую съ каждымъ днемъ и часомъ, что нѣтъ выше удѣла, какъ званіе монаха“.

Такъ писалъ Гоголь еще до напечатанія книги, въ февралѣ 1842 года.

Лишь только книга начала печататься, Гоголь опять уѣхалъ изъ Россіи и писалъ, что ему предстоятъ „глухія уединенія, дальнія отлученія“. Какъ всегда, онъ продолжалъ требовать свѣдѣній обо всѣхъ толкахъ и отзывахъ насчетъ его сочиненій. Теперь эти требованія получили особый смыслъ: Гоголю нужны преимущественно *отрицательныя* сужденія о немъ и его сочиненіяхъ: „рубите прямо съ плеча, не разбирая правъ ли я или виноватъ“, упрощаетъ онъ пріятелей.

И онъ до конца остается при этомъ странномъ пристрастіи къ порицаніямъ его личности и таланта.

Мы знаемъ, пріятели открыли и здѣсь новый поводъ укорять Гоголя въ самоуниженіи, въ недостойномъ капризѣ.

На самомъ дѣлѣ,—съ писателемъ начался послѣдній актъ его драмы, единственной *гоголевской драмы*.

Мы знаемъ ея общій смыслъ. Теперь онъ раскрывается все яснѣй

и великій писатель все ниже склоняется подъ неизбывнымъ противорѣчіемъ своей природы.

Гоголь, обозрѣвая необыкновенно бурную полемику изъ-за его сочиненій, приходилъ къ выводу: „изъ-за меня идетъ великая возня въ литературѣ“, и здѣсь замѣчалъ, что онъ „самъ по себѣ человекъ невеликъ“.

Это самое точное опредѣленіе трагическаго противорѣчія, заполонившего жизнь Гоголя.

Геніальный, мощно волнующій писатель, и „человекъ невеликъ“ въ смыслѣ глубокаго прирожденнаго ужаса передъ всѣмъ волненіемъ, раздоромъ, борьбой. Стихійный врагъ Гоголя—„излишество“. Это его любимое понятіе для выраженія первоисточника всѣхъ личныхъ и общественныхъ золъ.

„Ради Бога—берегите здоровье и дѣлайте все съ умѣренностью. Это большая добродѣтель“, писалъ Гоголь С. Т. Аксакову. „Берегитесь всего страстнаго, берегитесь даже въ божественное внести что-нибудь страстное“, поучалъ Гоголь свѣтскую даму.

Его собственный идеалъ—создавать „примиренье“. Въ этомъ и сущность истиннаго искусства. Старосвѣтскую любовь къ уюту и мирному существованію Гоголь цѣликомъ перенесъ въ свою эстетику.

„Искусство есть примиреніе съ жизнью“... „Искусство есть водвореніе въ душу стройности и порядка, а не смущенія и разстройства“. „Во время чтенія душа исполняется стройнаго согласія, а по прочтеніи удовлетворена,—въ сердцѣ не негодованье противъ брата, а струится елей всепрощающей любви“.

Таковы послѣднія слова эстетики Гоголя. Миръ и благоволеніе—высшія цѣли художественнаго творчества. Ясное любвеобильное состояніе духа читателя и зрителя—истинная награда писателю.

Несомнѣнно, такъ и бываетъ нерѣдко. Искусство успокоиваетъ и согрѣваетъ душу, на примѣръ,—музыка, пѣніе.

Но всегда ли это доступно слову писателя?

Гоголь это слово ставилъ чрезвычайно высоко. „Къ чему таить слово?“ спрашивалъ онъ.—„Кто же какъ не авторъ долженъ сказать свято правду?“

И какую правду! Не только успокоительную и усладительную,—но правду, полную „гнѣва противъ того, что губить человека“. И тогда отъ писателя излетятъ огни, а не слова, какъ отъ древнихъ пророковъ, если

только онъ, подобно имъ, сдѣлаетъ это дѣло роднымъ и кровнымъ своимъ дѣломъ.

Такъ писалъ Гоголь Языкову, лирически призывая русскаго поэта служить родной землѣ.

Гораздо смиреннѣе, осторожнѣе говорилъ онъ въ прозаическомъ письмѣ къ прозаическому пріятелю, но говорилъ въ томъ же смыслѣ: ему, какъ автору, необходима „маленькая злость“, „противъ того-сего, всякаго рода родныхъ плевелъ“. И Гоголь даже безпокоился, когда эта злость начинаетъ простывать.

Наконецъ, въ томъ самомъ произведеніи, на какое Гоголь положилъ всю свою жизнь, какое было его высшимъ счастьемъ и его несказанной мукой,—онъ бросилъ вызовъ:

„Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово *впередъ*? Кто, зная всѣ силы и свойства и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйнымъ мановеніемъ могъ бы устремить на высокую жизнь русскаго человѣка?“

И за это слово, за это мановеніе—„какими слезами, какой любовью“ заплатила бь русская земля!

И она уже платитъ. Такіе люди есть, хотя и не такіе богатыри, какого жаждетъ тоскующее сердце писателя.

Это—вдохновенные поэты, „какими наградилъ Богъ свою Россію“. Ихъ „свѣтлыя страницы“ создаютъ наслажденія даже въ суровомъ, сумрачномъ Петербургѣ: подъ трескъ мороза и вой вьюги „такъ возвышенно пылко трепещетъ молодое сердце юнѣши, какъ не водится и подъ полуденнымъ небомъ“.

Отчего трепещетъ, и за что такая признательность?

Гоголь даетъ и на это отвѣтъ, и чрезвычайно назидательный. Отвѣтъ не что иное, какъ опредѣленіе художника-творца.

Это—писатель особаго рода. Онъ не только рисуетъ жизнь,—онъ идетъ дальше жизни. Въ его созданіяхъ жизнь дѣлаетъ шагъ впередъ. Онъ, постигнувъ современность, ставъ въ уровень съ вѣкомъ,—за наученіе платитъ ему своимъ наученіемъ. „Возвратить людей въ томъ же видѣ, въ какомъ и взялъ, для писателя-творца невозможно“.

Невозможно, по мнѣнію Гоголя, именно теперь.

Нынѣшнее время—„переходное“. „Всѣ болѣе чѣмъ когда-либо прежде нынѣ чувствуютъ, что міръ въ дорогѣ, а не у пристани, даже и не на ночлегѣ, не на временной станціи, или отдыхѣ“.

Все—спроится, все ждетъ болѣе стройнаго порядка. И вотъ писатель-творецъ долженъ итти навстрѣчу этимъ ожиданіямъ, уиѣя среди современной смуты намѣтить ясный путь къ высшему строю жизни.

Вотъ вершина искусства!

Теперь рѣшите: то же ли это искусство, какое примиряетъ съ окружающей жизнью, заставляетъ „благословлять все въ природѣ“?

Искусство, идущее впереди жизни, искусство, вызывающее трепетъ въ молодыхъ сердцахъ, искусство, карающее гиѣвомъ,—и искусство, усыпляющее отрицательныя движенія души!

Да это два генія разныхъ сферъ, черный и бѣлый ангелъ, и нѣтъ имъ взаимнаго мира до тѣхъ поръ, пока существуютъ на землѣ силы, по выраженію Гоголя, губящія человѣческую душу. И вотъ Гоголю выпала задача—слить этихъ геніевъ въ цѣльное счастье художника и человѣка.

Задача неразрѣшимая, отъ начала до конца трагическая.

Вы помните дивную сцену въ Гетевскомъ „Фаустѣ“? Она—одинаково и трагична и трогательна.

Гретхенъ, такая свѣтлая, радостная и вѣрующая, попала въ бурный потокъ жизни, и узнала, какая разница между мечтами, молитвами и людскими дѣлами. Но она попрежнему жаждетъ молитвы,—и ей не дается молитва. У нея нѣтъ былой незамутимой вѣры, и злой духъ—отголоски только что пережитой дѣйствительности—смущаетъ и томить ея душу, и у нея нѣтъ будущаго, развѣ только чудо придетъ на помощь.

Когда читаешь письма Гоголя за послѣднія одиннадцать лѣтъ его жизни, невольно встаетъ въ памяти настроеніе этого момента.

Вся натура Гоголя стремилась къ миру, благоволенію, безоблачной нравственной красотѣ. И это не только общее стремленіе,—это гражданская задача Гоголя, какъ человѣка и писателя.

Ничто больше не поражало его, чѣмъ обвиненія въ недостаткѣ любви къ родинѣ. Это значило не имѣть понятія о подлинномъ Гоголѣ, о смыслѣ всей его жизни.

Онъ жилъ за границей, но онъ ли на минуту не забывалъ Россіи, и перо его не могло рисовать роскошныхъ, но чуждыхъ картинъ, а оказывалось „неодолимой цѣпью“ прикованнымъ къ „бѣдному неяркому“ русскому міру. Мы знаемъ, Гоголь безконечно страдалъ дома отъ дрязгъ, пересудовъ, даже отъ пріятелей. Ему здѣсь было холодно и физически и нравственно. Римъ—его художническая келья, и изъ нея, уютной и те-

плой, онъ, не отрывая глазъ, смотритъ на свое отечество. И, какъ это всегда бываетъ по психологическому порядку, предъ нимъ далекіе предметы встаютъ ярче, полнѣе, чѣмъ если бы онъ видѣлъ ихъ вблизи. Онъ спокойно можетъ сосредоточиться на всемъ, что сохранилось въ его впечатлѣніяхъ, не обуреваемый партійными пристрастными внушеніями.

Но это художественное созерцаніе можетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока впечатлѣнія свѣжи и ихъ достаточнo. А если они со временемъ блѣднѣютъ, истощаются,—что же тогда?

И вотъ—разгадка, почему Гоголь поразилъ всѣхъ своими неотступными просьбами о разныхъ практическихъ свѣдѣніяхъ.

Соотечественники пугали его взаимными междоусобицами, назойливымъ дилетантскимъ любопытствомъ, пріятельской варварской склонностью—рыться въ чужой душѣ, какъ въ собственномъ суидукѣ, наконецъ,—надменной гордостью „ученыхъ умниковъ“ и „благороднаго аристократства“. И всякій разъ онъ, попадая въ Москву или Петербургъ, чувствовалъ себя будто въ открытомъ леденящемъ морѣ, растерянно искалъ опоры, и не находилъ ея, такъ какъ лучшіе и благороднѣйшіе друзья признавали естественнымъ не довѣрять ему, не желали считаться съ особенностями его сложной и зябкой природы и вызывали у Гоголя тоскующій вопросъ: „Зачѣмъ я пріѣхалъ на родину?“

И Гоголь буквально бѣжалъ въ свой „монастырь“.

Жить въ Россіи нѣтъ силъ, и жить безъ Россіи нѣтъ возможности, нѣтъ даже смысла: „не писать для меня, говорилъ Гоголь,—совершенно значило бы то же, что не жить“, а писать, не зная русской жизни во всѣхъ ея подробностяхъ, невысказано.

И этого трагическаго осложненія также не понимали самые близкіе пріятели Гоголя, съ равнодушіемъ или даже съ насмѣшками встрѣчавшіе его вопли о помощи ему, его художественной работѣ—фактическими данными.

И Гоголь изнывалъ по этой работѣ, предоставленный своему воображенію и своей горячей жадѣ—нарисовать, наконецъ, Россію—славную и доблестную, русскихъ людей—возможно идеальныхъ, высшихъ, чѣмъ всѣ другіе европейцы. Если задача разрѣшится,—писатель достигнетъ сразу двухъ своихъ задушевнѣйшихъ цѣлей: водворитъ примиреніе среди русскаго общества, чарами искусства междоусобицы превратитъ въ стройное согласіе и осуществитъ свою исконную любовь къ родинѣ.

У писателя заранѣ намѣченъ типъ идеальныхъ русскихъ людей,—самый простой теоретически, подсказанный все той же старозавѣтной патріархальной мечтательностью, близкій сердцу и добрѣйшимъ родителямъ Гоголя и всѣмъ прекраснѣйшимъ обитателямъ малорусскихъ хуторовъ, типъ людей „добрыхъ, вѣрующихъ, живущихъ въ законѣ Божіемъ“, т. - е. незлобивыхъ, нестрастныхъ, благожелательныхъ и умѣренныхъ. Именно такіе люди, по мнѣнію Гоголя,—истинные строители согласія и любвеобилія, не то что „восточные“, „западные“ и „нейтральные“, т. - е. современныя русскія партіи, одинаково грѣшныя излишествами и односторонностями.

По личнымъ впечатлѣніямъ, преимущественно далекаго дѣтства, Гоголю кажется, что именно „русская порода способна глубже, чѣмъ другія, принять въ себя слово евангельское, возводящее къ совершенству человека“.

И Гоголь искренне убѣжденъ, что его призваніе—изобразить русскихъ людей, живущихъ по евангелію, проникнутыхъ завѣтами Христова ученія. А эти завѣты—не что иное, какъ основа православія, и Гоголь переходитъ къ пристальному изученію священной литературы, житій святыхъ, проповѣдей отцовъ церкви, старинныхъ церковныхъ молитвъ. Съ одной стороны, онъ желаетъ „назвучаться русскою рѣчью“, съ другой,—все свое существо пропитать церковно-религіознымъ духомъ. Для него идеальный русскій человекъ—идеальный христіанинъ, а христіанинъ—истинный сынъ православной церкви.

Когда Гоголя укоряли въ его будто бы новомъ направленіи, онъ имѣлъ полное основаніе отвѣчать: „отъ ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду“, „я все тотъ же и почти то же самое люблю, что любилъ въ юности моей“. Онъ только не открывалъ никому своей любви: „внутренно я не измѣнялся никогда въ главныхъ моихъ положеніяхъ“,—и заговорилъ о нихъ слишкомъ громко только на верху своей славы. Отъ этого и вышли недоразумѣнія.

И такъ, геніальный сатирикъ, снабдившій Бѣлинскаго самыми краснорѣчивыми данными для критики дореформенной Россіи,—какъ строитель жизни, пронесъ неприкосновеннымъ свой патріархальный идеалъ сквозь смѣхъ „Ревизора“ и грусть „Мертвыхъ душъ“.

Но смѣху и грусти дѣйствительность давала неистощимую пищу,—а патріархальному идеалу? Какъ она отвѣчала на него? Гоголь усиливался извлечь желанный положительный отвѣтъ, рисуетъ милые ему „добрые

върующіе образы“, но они милы его *сердцу* и ненавистны его *гению*, дороги ему какъ *человѣку* и оскорбительны для него какъ *художника*. Приходится уничтожать написанное, уже около года спустя послѣ появленія первой части „Мертвыхъ душъ“. Это—первая гибель второй части. Предстоятъ еще двѣ, и въ промежуткѣ—страшная жизнь писателя будто на пыткѣ, невыразимо мучительное чувство безсилія создать *нужное* себѣ и родинѣ.

И съ обычной психологической проницательностью Гоголь объясняетъ смыслъ своихъ страданій:

„Богъ недаромъ отнялъ у меня на время силу и способность производить произведенія искусства, чтобы я не сталъ произвольно выдумывать отъ себя, не отвлекался бы въ идеальность, а держался бы самой существенной правды“.

Это Гоголь могъ знать еще со словъ Пупкина. Именно его талантъ рисовать ярко и выпукло мелочи и пошлости поразилъ поэта, а идеальность одинаково не была ни удѣломъ жизни, ни областью Гоголевскаго творчества.

Но если пока творчество не дается,—тогда можно высказать полезныя истины въ разсужденіяхъ, нарисовать отвлеченно идеаль русскаго чловѣка-христіанина. Это тѣмъ болѣе необходимо, что время не ждетъ, жизнь не сегодня, завтра грозитъ послѣднимъ недужнымъ ударомъ,—надо спѣшить,—и Гоголь издаетъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“.

Извѣстно, какую бурю вызвала книга. Здѣсь было и злорадство давнихъ враговъ, и горькая обида личныхъ друзей, и отчаяніе восторженныхъ почитателей таланта. Сама личность писателя вдругъ оказалась униженной. На Гоголь отяготѣли обвиненія въ самыхъ низкихъ намѣреніяхъ и расчетахъ.

И за что же?

За то, что онъ возкорбѣлъ о нравственной и общественной смутѣ среди своихъ соотечественниковъ, о „совершенной безхарактерности на правленія и совершенной анархіи въ литературѣ“, погрязшей въ пустыхъ спорахъ, и задумалъ примирить „многое между собой враждующее“.

Собственно это должны были сдѣлать „Мертвыя души“, но Гоголь отчаивался въ ихъ быстромъ окончаніи, и поспѣшилъ издать „Переписку“—о тѣхъ же вопросахъ, какіе онъ разсчитывалъ развить въ живыхъ образахъ.

И „Переписка“ искренне и громко излагала идеалы Гоголя, неизмѣнные у него съ дѣтства. Основной принципъ ихъ—нравственное совершенствованіе каждой личности отдѣльно, и руководящая мысль всей „Переписки“—примѣненіе христіанскихъ правилъ къ русской современной дѣйствительности.

Гоголь, присматриваясь къ своему времени, находилъ, что „вопросы нравственные взяли перевѣсъ и надъ политическими, и надъ учеными, и надъ всякими другими вопросами“.

Въ „Перепискѣ“ Гоголь и рѣшалъ всѣ задачи русской жизни на почвѣ исключительно личной нравственности. Этотъ способъ рѣшенія естественно устранялъ заботу объ *общественныхъ* переменѣхъ, т.-е. внѣшнихъ преобразованіяхъ. И Гоголь, обсуждая крѣпостныя отношенія, вопросъ о судѣ и администраціи, съ своей точки зрѣнія вполне логически сводилъ все дѣло къ *личностямъ* помѣщиковъ и чиновниковъ, а не къ свойству самихъ учреждений и порядковъ, проповѣдывалъ христіанскія отеческія чувства помѣщикамъ относительно крестьянъ, нестяжательность и любовь къ родинѣ чиновникамъ, душеспасительныя слова высшимъ администраторамъ по адресу къ подчиненнымъ, нравственное благородство дворянству,—вообще желалъ въ деревняхъ видѣть отцовъ и патріарховъ, а въ городахъ честныхъ простыхъ правителей, и надъ всѣми ими—мудрыхъ учителей жизни въ лицѣ генераль-губернаторовъ. Гоголь требовалъ подвиговъ и самоотреченія, какъ истинный проповѣдникъ личной религіозной нравственности, и грѣхъ заключался не въ цѣляхъ писателя, а въ полномъ несоотвѣтствіи этимъ цѣлямъ житейской дѣйствительности, и онъ въ отвѣтъ на нападки читателей могъ бы прежде всего припомнить свое юношеское восклицаніе:

„Боже, что за жизнь наша! Вѣчный раздоръ мечты съ существованіемъ!“

Но Гоголь склонился предъ нападками, сознавая свою опрометчивость явиться проповѣдникомъ и отчасти до глубины души почувствовавъ свою обычную зябкость.

„Въ то время, когда я издавалъ мою книгу, писалъ онъ,—мнѣ показалось, что я ради одной истины издалъ ее, а когда прошло нѣсколько времени послѣ изданія, мнѣ стало стыдно за многое, многое и у меня не стало, духа взглянуть на нее“.

Онъ даже сравнивалъ себя съ Хлестаковымъ, горѣлъ отъ стыда, но

не могъ въ то же время не признать излишней суровости приговоровъ надъ нимъ:

„Я могу ошибаться, писалъ онъ въ „Исповѣди“,—могу попасть въ заблужденіе, какъ и всякій человѣкъ, могу сказать ложь въ томъ смыслѣ, какъ и весь человѣкъ есть ложь,—но назвать все, что излилось изъ души и сердца моего, ложью—это жестоко“.

Но Гоголя не могло утѣшить это сознаніе. Ему надо было къ чему-нибудь прильнуть, опереться не на свою хилую природу, а на чужую силу. Недаромъ Гоголь изумлялся, какъ онъ остался живъ послѣ ударовъ, нанесенныхъ ему за „Переписку“.

Но какая же сила могла поддержать его?

„Переписка“ доказала, что и самые близкіе друзья не въ силахъ отнестись къ автору съ пощадой, съ глубокимъ проникновеніемъ въ его душу. Міръ сталъ для него еще безпріютнѣе и холоднѣе. Стѣны „монастыря“ сошлись еще тѣснѣе, и тоска поднялась еще выше.

И Гоголь находитъ утѣшеніе,—обычное для всѣхъ одинокихъ и лично безпомощныхъ,—уже не въ евангеліи, не въ собственномъ богомыслии, а въ руководствѣ суроваго, беспощаднаго „директора совѣсти“. Ржевскій протоіерей о. Матвѣй Константиновскій еще менѣе былъ способенъ понять душу Гоголя, чѣмъ „міръ“,—но ему и не требовалось этого пониманія. Онъ явился съ фанатическимъ карающимъ словомъ, когда почва давно уже была подготовлена. Гоголь нетерпимыя рѣчи, угрожавшія изможденному духу и тѣлу адскими муками, принялъ за голосъ евангелія и безропотно склонился предъ ничѣмъ не заслуженнымъ бичеваніемъ.

Только одного не могъ уступить страдалецъ своему судѣ — своего писательскаго долга. Онъ такъ и остался при убѣжденіи, что дѣло писателя можетъ быть высокимъ и благодѣтельнымъ дѣломъ, и онъ писалъ о. Матвѣю: „Признаюсь вамъ,—я до сихъ поръ увѣренъ, что законъ Христовъ можно внести съ собой повсюду, даже въ стѣны тюрьмы, и можно исполнять его, пребывая во всякомъ званіи и сословіи: его можно исполнять также и въ званіи писателя. Если писателю данъ талантъ, то вѣрно не даромъ и не на то, чтобы обратить его въ злое. Если въ живописцѣ есть склонность къ живописи, то вѣрно Богъ, а не кто другой виновникъ этой склонности“.

И Гоголь рѣшаетъ испытать еще одно средство найти силу вдохновенія—помолиться у гроба Господня. Это не только внѣшняя молитва,—

это усиліе въ самомъ себѣ найти то идеальное „живое тѣло“, какое надо создать во славу Россіи. Гоголь знаетъ, что вообще ни о чемъ и также „о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ человѣка“ нельзя писать *по воображенію*: „нужно заключать въ себѣ самомъ, хотя небольшую крупичу этого,—словомъ—нужно сдѣлаться лучшимъ“.

И Гоголь вступилъ на путь неутомимаго самоанализа и самосовершенствованія—ради своего литературнаго труда. Онъ былъ увѣренъ, что въ его сочиненіи непременно отразятся всѣ добрыя черты, какія пріобрѣтеть его душа. Въдъ раньше онъ для сатиры неоднократно пользовался своими смѣшными качествами, въ родѣ провинціальной наклонности къ франтовству,—теперь онъ долженъ ту же пользу извлечь изъ своихъ достоинствъ.

И не находя въ жизни, среди людей доблестнаго російскаго мужа, Гоголь искренне производитъ надъ собой опыты — выработаться самому въ такого мужа и уже съ себя срисовать живыя черты необходимаго положительнаго типа.

Отсюда то, что называется совершенно ошибочно Гоголевскимъ аскетизмомъ. Это не аскетизмъ въ общепринятомъ смыслѣ,—это особая дисциплина личности надъ собою,—въ предѣлахъ обычныхъ житейскихъ отношеній, неотступное слѣдствіе надъ помыслами и дѣйствіями во имя признаннаго идеала,—у Гоголя—во имя евангельскаго. Гоголь сталъ „томиться и стогать желаньемъ совершенства“, и объявилъ это публично.

Въ оправданье онъ ссыался на примѣръ Сына Божьяго, провозгласившаго людямъ: „Будьте совершенны такъ, какъ совершененъ Отецъ вашъ Небесный“. Но ссылка не казалась убѣдительной,—прежде всего потому, что въ исторіи литературы она примѣнялась впервые и при совершенно исключительныхъ условіяхъ.

Но Гоголь шелъ своимъ путемъ до конца.

Онъ надѣялся въ Св. Землѣ, въ минуты молитвъ обрѣсти новыя силы на свой трудъ. Но вѣра не посѣтила его сердца, молитва оказалась безсильной, онъ точно еще больше увидѣлъ „черствость свою и свое себлюбіе“. Свѣтлые годы дѣтства, первой молодости были далеко,—и стѣной стояли годы жизни, прожитой одиноко, безрадостно, среди оскорбленій и, наконецъ, тщетныхъ усилій къ великой и высокой цѣли.

Но и эта неудача не мѣняетъ рѣшенія Гоголя во что бы то ни стало окончить „Мертвыя души“. И цѣль все та же—„доброе вліяніе“, „чтобъ

образумились многие и обратились бы къ тому, что должно быть вѣчно и неизблемо“. И средства тѣ же—изобразить высокое достоинство русской породы, „выставить наружу все здоровое и крѣпкое въ нашей природѣ“.

Все то же, что задумано десять лѣтъ назадъ,—но и результаты тѣ же. „Мертвыя души“ были уничтожены еще одинъ разъ,—до путешествія въ Іерусалимъ,—но Гоголь напрасно себя утѣшалъ словами: „не оживетъ, аще не умретъ“. Первая часть продолжала разносить среди русскихъ людей „тоску“, по выраженію Гоголя, и „неудовольствіе на самихъ себя“, но писатель тщетно старался смѣнить эту тоску на радость.

Онъ могъ удостовѣрить года за полтора до смерти, что любовь къ Россіи у него безпрестанно увеличивается, и мечтать составить „говорящую географію“ Россіи, т.-е. художественное описаніе страны и народа,—но главный трудъ не завершался.

Гоголь хотѣлъ пересилить внушенія таланта, начиналъ, какъ *художникъ*, создавать то, безъ чего тяжело было жить *человѣку*,—но немедленно неподкупный взыскательный взглядъ видѣлъ блѣдность и фальшь созданій.

До самаго конца Гоголь не могъ похоронить своихъ завѣтныхъ думъ. Незадолго до смерти ему все еще случалось заговаривать въ оптимистическомъ успокоительномъ тонѣ о русской современности.

Видимо, больно было ему жить, не видя свѣтлой зари надъ родной землей.

Но зоря все продолжала являться мечтой изболѣвшей души,—а Гоголя сурово прерывали и ставили втупикъ.

Однажды онъ сталъ доказывать, что разныя испытанія—явленія переходящія: пусть русскіе люди пользуются тяжелыми временами для приготовления серьезныхъ работъ на лучшее будущее.

Некрасовъ, присутствовавшій при этихъ разсужденіяхъ, заключилъ: — Хорошо, Николай Васильевичъ, — да вѣдь за все это время надо еще ѣсть.

Гоголь опѣшилъ, устремилъ на него глаза и произнесъ:

— Да, вотъ это трудное обстоятельство.

Такъ, на каждомъ шагу или совѣсть или жизнь возвращали Гоголя къ суровой правдѣ и бросали ему укоромъ его же искреннія, единственно отрадныя мечты.

Такъ длилось годы, борьба шла безысходная, и высшій судья въ ней — великій талантъ писателя—стоялъ на сторонѣ суровой правды, не

допуская никакихъ сдѣлокъ. И Гоголь все ниже склонялся, все таялъ и млѣлъ.

Съ душой его происходило то же самое, что давно испытывало его тѣло. Физически онъ не могъ жить безъ южнаго солнца—безъ естественнаго, не-натопленнаго тепла; иначе онъ застывалъ, голова кружилась, мысль туманилась.

Тоже и нравственно.

Гоголю требовалось солнце—осязательная красота жизни, освѣжающая и грѣющая душу. Искусственное нравственное тепло—внѣшняя порядочность и благовоспитанность на подкладкѣ эгоизма и ограниченности—обнажало свои тайны предъ его геніальнымъ художественнымъ взоромъ и терзало его душу. Какъ человѣку, ему становилось невыносимо холодно, особенно ему, не знавшему другихъ утѣшеній, кромѣ своей творческой работы, лишеннаго возможности общую обиду возместить личными частными радостями—друга, мужа, отца.

И Гоголь умеръ, измученный душевнымъ голодомъ и ознобомъ.

Не аскетизмъ погубилъ его: онъ до конца защищалъ призваніе писателя и значеніе таланта. Мысль объ отреченіи его отъ искусства онъ называлъ „нелѣпой“ и не могъ понять, какъ она могла у кого-либо возникнуть.

И не упадокъ таланта ускорилъ кончину Гоголя.

Онъ сжегъ страницы, поражавшія всѣхъ, кому онъ ихъ читалъ, блескомъ геніальности, превосходившія, по словамъ Аксакова, все раньше имъ написанное.

И мы можемъ вѣрить, находя въ развалинахъ погибшаго сооруженія такіе перлы, какъ Тентентиковъ, Пѣтухъ, Бетрищевъ.

И онъ сжегъ эти перлы.

Чѣмъ талантливѣе выходили эти страницы, тѣмъ, значитъ, ярче освѣщали пошлость, разорванность, тяготу жизни. И ничего противодѣйствующаго и одинаково сильнаго не выходило изъ-подъ пера художника.

Онъ успѣлъ вызвать столько боли, тоски, негодованія у своихъ соотечественниковъ. И вотъ неотступный геній подсказываетъ ему все новые карающіе образы,—и ничего ободряющаго, ничего похожаго на тотъ стремящій впередъ лиризмъ, ради котораго, по мнѣнію Гоголя, работаетъ міръ,—ничего, примиряющаго съ жизнью...

Талантъ не хотѣлъ покончить борьбы съ натурой художника, т.-е.

жизнь, ея непререкаемая правда не могли успокоить миролюбиваго, простодушно идеалистическаго сердца художника.

И Гоголь, сжигая свою книгу, переживалъ послѣдній градусъ знобящаго душевнаго холода.

Его предсмертная агонія, начавшаяся съ минуты гибели его труда въ третій разъ,—это рѣшительный разрывъ его натуры съ его гениемъ. Дальше нечѣмъ было жить и не зачѣмъ, жизнь оказывалась не возможной ни съ этимъ гениемъ, ни безъ него.

Какая смерть можетъ быть выше этой смерти?

Мы часто жалѣемъ о людяхъ, несчастныхъ изъ-за утраты другихъ людей. Намъ глубоко поражаетъ смерть одного человѣка изъ-за любви къ другому человѣку. Но это—смерть изъ-за личнаго, *своего* счастья.

А вотъ истаялъ, измучился человѣкъ изъ-за того, что искалъ и не нашелъ въ другихъ духовной красоты и силы, изъ-за того, что не могъ полюбить не одного человѣка, а тысячи людей и не ради себя, а ради нихъ самихъ, изъ-за того, что не могъ рассказать имъ же самимъ объ ихъ великихъ достоинствахъ, — не могъ по совѣсти выполнить высшаго, по его мнѣнію, назначенія искусства — водворить въ души своихъ соотечественниковъ стройности и порядка.

Не одного Гоголя преслѣдовала подобная задача.

Захватываетъ она нерѣдко и обыкновенныхъ людей. Однимъ отъ нея грустно, другимъ досадно, третьимъ мучительно больно. И степень боли соотвѣтствуетъ благородству природы человѣка.

Ни у кого боль не достигала такой степени, какъ у Гоголя,—и это поняли послѣ его смерти.

С. Т. Аксаковъ горько сѣтовалъ на близорукость друзей и свою собственную, внушавшую даже пріятелямъ Гоголя недовѣріе къ его искренности всякій разъ, когда его слова и поступки казались странными.

Смерть открыла многимъ глаза, и Аксаковъ первый писалъ:

„Я признаю Гоголя святымъ, не опредѣляя значенія этого слова. Это истинный мученикъ высокой мысли, мученикъ нашего времени и въ то же время мученикъ христіанства... Теперь, когда онъ смертію запечатлѣлъ искренность своихъ нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, кажется, наступило время дать полную вѣру его христіанской любви къ людямъ. Рѣчь идетъ не о томъ, ошибочны были или нѣтъ нѣкоторые

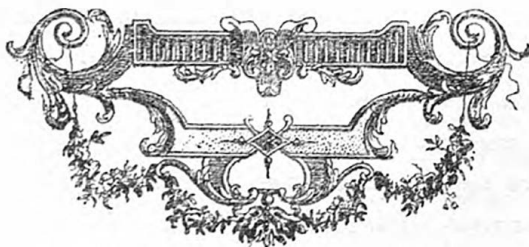
мысли и воззрѣнія Гоголя, рѣчь идетъ о правдѣ его смиреніи, чистотѣ намѣреній, сердечности чувствованій и стремленія къ добру“.

Гоголь предсказалъ этотъ поворотъ въ мысляхъ своихъ судей. Онъ до конца дней повторялъ, что его трудъ и онъ одно и то же, что его творчество есть „хозяйство души“, что онъ не можетъ работать „мимо себя“, что его дѣло связано съ его собственнымъ внутреннимъ воспитаніемъ, и въ то же время безъ этого дѣла и самая жизнь для него невысказана.

Вотъ эти мысли никакъ не могли выдти изъ ума даже ближайшихъ свидѣтелей жизни Гоголя. Но совершилась смерть, единственная въ преданіяхъ литературы, — и немедленно стало оправдываться пророчество Гоголя,—и все будущее принадлежитъ этому оправданію:

„Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня и потомки твои же земляковъ моихъ, можетъ-быть, съ глазами, влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни“.

Ив. Ивановъ.

Викторъ Антоновичъ Дьяченко.

(По поводу 25-ти-лѣтія со дня смерти).

Викторъ Антоновичъ Дьяченко, извѣстный драматургъ, родился въ 1820 году. Питомецъ института инженеровъ путей сообщенія, по окончаніи курса онъ получилъ служебное назначеніе на югъ, гдѣ и провелъ почти всю свою жизнь. Какъ драматургъ, онъ сталъ извѣстенъ только съ 1863 г., послѣ имѣвшей успѣхъ на Императорскихъ сценахъ его комедіи „Жертва за жертву“. Ранѣе этого имъ было помѣщено нѣсколько стихотвореній въ ежемѣсячныхъ журналахъ и цѣлый рядъ талантливыхъ корреспонденцій о театрѣ изъ Одессы и Харькова въ журналъ „Репертуаръ-Пантеонъ“. Лучшими произведеніями его были пьесы: „Жертва за жертву“, „Кара Божья“, „Институтка“, „Практическій человѣкъ“, „Забитый“, „Не первый, не послѣдній“, „Неровня“, „Пробный камень“, „Современная барышня“, „Нынѣшняя любовь“, „Семейные пороги“, „Свѣтскія ширмы“, „Блестящая партія“, „Гувернеръ“, „Болѣзненная страсть“, „Подвиги гражданки“ и двѣ передѣлки романовъ: „Ледяной домъ“ и „Князь Серебряный“. Кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько водевилей, но подписался лишь подъ однимъ изъ нихъ: „Три телеграммы“. Главное достоинство всѣхъ его произведеній—краткость дѣйствія, замѣчательно ловкое сценическое построеніе и благодарныя роли для актеровъ. Мотивами для нихъ служили семейныя отношенія, супружеская невѣрность и неравенство браковъ. В. А. скончался въ Воронежѣ 30-го марта 1876 г. Собраніе его сочиненій выдержало два изданія.

Михаиль Михайловичъ Карякинъ,

артистъ Императорской русской оперы.

23 апрѣля 1903 года исполнилось бы 25-лѣтіе артистической дѣятельности могучаго баса М. М. Карякина:

Михаиль Михайловичъ Карякинъ родился въ 1850 г. въ Харьковской губерніи, въ г. Чугуевѣ. Будучи ученикомъ классической гимназіи, онъ прекрасно дирижировалъ церковнымъ хоромъ. Окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по медицинскому факультету, онъ поступилъ въ 1874 г. въ Московскую консерваторію, гдѣ занимался пѣніемъ подъ руководствомъ профессора г-жи Александровой-Кочетовой, а драматическимъ искусствомъ, подъ руководствомъ Самарина. Въ спеціально драматическомъ классѣ не было болѣе интеллигентнаго и интереснаго актера на роли резонеровъ, чѣмъ ученикъ опернаго класса М. М. Карякинъ. На драматической сценѣ, весьма вѣроятно, онъ могъ бы добиться даже еще большихъ успѣховъ, чѣмъ на оперной, гдѣ, по самому характеру басовыхъ ролей, сценическому дарованію М. М. почти негдѣ было развернуться, хотя, когда попадался годный къ обработкѣ характерный матеріалъ, Карякинъ бывалъ безподобенъ: напримѣръ, его Кончакъ въ «Игорѣ», его Бермята въ «Синѣгурочкѣ» были истинно типическими и эпическими фигурами. Дебютъ М. М. на сценѣ Московскаго Большаго театра въ роли Сусанина былъ выдающимся. Въ Москвѣ онъ оставался недолго и перешелъ въ Петербургъ, гдѣ появленіе его 23-го апрѣля 1878 года въ оп. «Жизнь за Царя» порадовало всѣхъ любителей сцены. Съ тѣхъ поръ онъ до самой кончины не прерывалъ своей дѣятельности въ этомъ театрѣ. Обладая могучимъ голосомъ и талантомъ, М. М. выступалъ въ самыхъ отвѣтственныхъ басовыхъ партіяхъ. Его рѣдкій по звуковому богатству голосъ поражалъ всѣхъ своей мощью и красотой. Пѣвецъ съ трудомъ могъ сдерживать свои могучіе звуки, но тѣмъ не менѣе онъ сталъ старательно обращать вниманіе на нюансировку

Михаилъ Михайловичъ
Карякинъ.

въ пѣніи. Для усовершенствованія онъ поѣхалъ въ 1880 г. въ Италію и занимался у Буцци и Ронкони. Обладая сценическимъ талантомъ, въ особенности въ русскихъ бытовыхъ роляхъ, въ роляхъ, требующихъ комическаго элемента, М. М. былъ неподражаемъ. Работая неустанно и страстно относясь къ расширенію своего репертуара, М. М. довелъ его до 44 ролей въ 41-й оперѣ. Вотъ роли, исполненные имъ, въ хронологическомъ порядкѣ:

1878 г. 23 апрѣля—оп. «Жизнь за Царя» (Сусанинъ—157 разъ), 20 сентября—оп. «Русланъ и Людмила» (Фарлафъ—33 раза), 24 сентября—оп. «Фра-Діаволо» (Джіакомо—7 разъ), 6 ноября—оп. «Риголетто» (Монтероне—48 разъ), 23 ноября—оп. «Рогнѣда» (Странникъ—9 разъ), 15 декабря—оп. «Гугеноты» (Марсель—55 разъ).

1879 г. 7 сентября—оп. «Демонъ» (Гудаль—66 разъ), 17 сентября—оп. «Аида» (Рамфисъ—50 разъ), 22 октября—оп. «Ріензи» (Раймондо—5 раза), 14 ноября—оп. «Вражья Сила» (Илья—33 раза), 21 декабря—оп. «Русланъ и Людмила» (Свѣтозаръ—69 разъ).

1880 г. 16 января—оп. «Майская Ночь» (Голова—16 разъ), 22 февраля—оп. «Купецъ Калашниковъ» (Бирюкъ—4 раза), 22 декабря—оп. «Тарасъ Бульба» (Тарасъ—3 раза).

1881 г. 13 февраля—оп. «Орлеанская Дѣва» (Тибо—12 разъ).

1882 г. 29 января—оп. «Снѣгурочка» (Нермята—11 разъ), 8 сентября—оп. «Рогнѣда» (Добрыня Никитичъ—23 раза), 10 сентября—оп. «Тангейзеръ» (Битерольфъ—30 разъ), 13 октября—оп. «Севильскій Цырюльникъ» (Базиліо—11 разъ), 3 декабря—оп. «Робертъ» (Бертрамъ—8 разъ).

1883 г. 4 февраля—оп. «Кавказскій Пѣльникъ» (Фехердинъ—8 разъ), 18 сентября—оп. «Снѣгурочка» (Дѣдъ Морозъ—16 разъ).

1884 г. 19 октября—оп. «Евгеній Онѣгинъ» (Греминъ—1 разъ).

1885 г. 4 января—оп. «Виндзорскія Кумушки» (Г-нъ Педжъ—6 разъ), 15 апрѣля—оп. «Волшебный Стрѣлокъ» (Оберонъ—7 разъ).

1886 г. 11 ноября—оп. «Гарольдъ» (Ордгардъ—12 разъ).

1887 г. 20 января—оп. «Фенелла» (Пьетро—4 раза), 20 октября—оп. «Чародѣйка» (Кичига—10 разъ).

1888 г. 29 декабря—оп. «Вильгельмъ Телль» (Вальтеръ—11 разъ).

1889 г. 26 сентября—оп. «Нижегородцы» (Бояринъ—13 разъ), 3 октября—оп. «Русалка» (Мельникъ—12 разъ), 17 октября—оп. «Юдиѣвъ» (Эмакимъ—16 разъ), 29 ноября—оп. «Горюша» (Полтевъ—6 разъ).

1890 г. 30 января — оп. «Африканка» (Инквизиторъ — 11 разъ),
23 октября — оп. «Князь Игорь» (Кончакъ — 26 разъ).

1891 г. 15 октября — оп. «Іоаннъ Лейденскій» (Захарія — 13 разъ).

1892 г. 6 января — оп. «Эскалармонда» (Клеомеръ — 12 разъ), 21 апрѣля —
оп. «Князь Серебряный» (Митька — 4 раза).

1893 г. 28 января — оп. «Ромео и Джульетта» (Герцогъ Веронскій — 15 разъ).

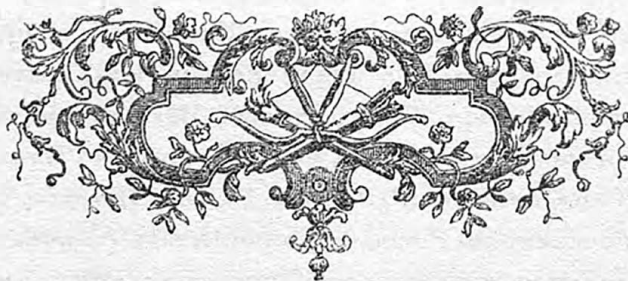
1894 г. 3 февраля — оп. «Фальстафъ» (Пистоль — 8 разъ).

1895 г. 3 января — оп. «Дубровскій» (Архипъ — 18 разъ), 17 сентября —
оп. «Тайный бракъ» (Джеронимо — 5 разъ), 28 ноября — оп. «Ночь передъ
Рождествомъ» (Чубъ — 8 разъ).

1896 г. 28 января — оп. «Рафаэль» (Кардиналь — 1 разъ).

М. М. считался первымъ и незамѣнимымъ исполнителемъ самыхъ от-
вѣтственныхъ ролей, какъ Сусанина въ оп. «Жизнь за Царя» (его люби-
мая роль), Добрыни Никитича въ «Рогнедѣ», Кончака въ «Игорь», Марсе-
ля въ «Гугенотахъ» и др. Порой исполненіе имъ этихъ ролей было вдох-
новенное. Въ нашей русской оперѣ Карякинъ, по голосовымъ средствамъ,
представлялъ явленіе рѣдкое и даже исключительное. Для нашей сцены
утрата М. М. — утрата тяжелая. Въ лицѣ М. М. русское искусство потеряло
одного изъ достойнѣйшихъ своихъ дѣятелей, а товарищи и друзья — прекрас-
наго, сердечнаго человѣка. Хорошая русская душа сквозила въ каждой
чертѣ этого бородатаго лица, въ каждомъ поворотѣ этого богатырскаго
туловища. Это былъ одинъ изъ лучшихъ и милѣйшихъ людей, какіе когда-
либо поднимались на оперныя подмостки, человѣкъ, безспорно рѣдкій въ
населеніи закулиснаго міра, всегда нервнаго, напряженнаго, подозритель-
наго, а потому и мало дружескаго въ средѣ своей. Хорошія отношенія за
кулисами — счастливое, но не частое исключеніе. Карякинъ жилъ и умеръ
такимъ рѣдкимъ исключеніемъ. Онъ любилъ, и его любили. Въ немъ оби-
талъ драгоценный талантъ — всѣхъ къ себѣ привлекать. Публика чувство-
вала въ Карякинѣ «своего брата», не только хорошо поющего и хорошо
играющаго артиста, но и интеллигентнаго человѣка «изъ общества», живу-
щаго не спеціально театралною жизнью, не въ замкнутомъ очарованномъ
кругѣ оперныхъ иллюзій, а какъ всѣ — біеніемъ однихъ съ обществомъ пуль-
совъ. Отъ него вѣяло какою-то особенно теплою, истинно славянскою
добротою, ширью натуры пассивной, но таящей, какъ почти всякая рус-
ская натура чистой крови, богатые запасы способностей къ любвеобиль-
нымъ и самоотверженнымъ дѣламъ. Сердечный онъ былъ!

Могучій голосъ, здоровая богатырская натура, ровный характеръ, любовь публики и товарищей, прекрасное артистическое положеніе могли ли заставить думать, что этотъ артистъ умереть отъ сердечной болѣзни и въ такомъ возрастѣ! Съ нѣкотораго времени Михаилъ Михайловичъ началъ страдать припадками грудной жабы, такъ что принужденъ былъ взять отпускъ послѣ того, какъ однажды, во время спектакля, въ «Тангейзерѣ», 19 ноября 1896 г., съ нимъ сдѣлалось дурно. Врачи предписали ему абсолютный отдыхъ, необходимость котораго онъ сознавалъ и самъ, будучи медикомъ по диплому, но отдыхъ все-таки не охранилъ его организма отъ новаго приступа болѣзни, оказавшагося для него смертельнымъ. И вотъ 18 января 1897 года, въ часъ дня, Мих. Мих. Карякина не стало.

Нимфодора Семеновна Семенова.

(По поводу 25-ти-лѣтія со дня смерти).

Нимфодора Семеновна Семенова (сестра извѣстной актрисы Екатерины Семеновны Семеновой) воспитывалась въ Петербургскомъ Театральномъ училищѣ, будучи еще питомицей котораго, появилась въ первый разъ на сценѣ 10-го сентября 1807 года, въ четвертой части „Днѣпровской русалки“, Мауера и Давидова. Дебютировала она на русской драматической сценѣ 7-го февраля 1810 года, въ бенефисъ Рыкалова, ролью Анюты въ комедіи Клушина „Разсудительный дуракъ“. Училась пѣнію она у извѣстнаго музыканта и дирижера Кавоса, а потомъ у Воробьева, ученика славнаго Маркетти. Она была первой исполнительницей партіи Веніамина въ оперѣ „Іосифъ Прекрасный“, Мегюля, имѣвшей въ 1813 году на Петербургской сценѣ громадный успѣхъ. Съ нею также были поставлены оперы: „Сандрильона“ и „Ромео и Юлія“, Штейбельда, „Севильскій цирюльникъ“, Россини; въ Ромео она простилась съ публикою въ декабрѣ 1828 года. Театральная карьера этой замѣчательной артистки продолжалась 17 лѣтъ и была блистательна. Публика ее очень цѣнила и простилась съ нею съ сожалѣніемъ. Въ послѣдніе годы жизни она ослѣхла. Прожила она 80 лѣтъ и умерла 28 марта 1876 года въ Москвѣ.

Евгеній Макаровичъ Семеновъ,

секретарь Дирекціи Императорскихъ театровъ.

(По поводу 35-ти-лѣтія со дня его смерти).

16-го декабря 1866 года скончался въ Петербургѣ Евгеній Макаровичъ Семеновъ. Имя это не было знакомо публикѣ, но оно было извѣстно всѣмъ служащимъ при Петербургскихъ и Московскихъ театрахъ, а потому мы считаемъ своимъ долгомъ на страницахъ „Ежегодника“ вспомнить объ этомъ честномъ, незамѣтномъ, но, тѣмъ не менѣе, полезномъ труженикѣ, который почти 50 лѣтъ посвятилъ на службу театру, любилъ его и своею негромкою и безызвѣстною для публики дѣятельностью принесть ему немало пользы. Бывши еще почти мальчикомъ, поступилъ онъ на службу при Петербургской Театральной Дирекціи и на этой же службѣ умеръ. Онъ занималъ мѣсто секретаря при Дирекціи Императорскихъ театровъ, со времени соединенія Московской Театральной Дирекціи съ Петербургской преимущественно занимался дѣлами Московскихъ театровъ и по справедливости считался знатокомъ театральнаго дѣла. Е. М. имѣлъ доброе сердце, готовое помогать ближнему. Имѣвшіе къ нему дѣло всегда находили совѣтъ и помощь. Имя Евгенія Макаровича было очень популярно въ театральномъ мірѣ.

Въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія онъ нѣкоторое время исполнялъ должность инспектора репертуара Петербургскихъ театровъ и во время исправленія этой должности оказалъ немалую услугу этимъ театрамъ. Евгеній Макаровичъ понялъ, что знаменитая Петербургская труппа сороковыхъ годовъ въ то время старѣлась, приходила въ упадокъ, что ее надо освѣжить новыми силами, и вотъ онъ занялся подготовленіемъ этихъ силъ. На сценѣ тогдашняго театра-цирка онъ началъ давать представленія, обставлявшіяся молодыми, начинающими

артистами. Тамъ, такъ сказать, обыгрывались они, тамъ привыкала къ нимъ публика, и съ этихъ подмостокъ они переходили на сцену Александринскаго театра. Изъ числа начавшихъ свое поприще въ театрѣ-циркѣ многіе заняли впослѣдствіи первое мѣсто въ драматической группѣ Петербургскихъ театровъ, какъ, напр.: М. М. Читау, Зубровъ, Марковецкій, Шемаевъ, извѣстный пѣвецъ Артемовскій и друг. Мыслью Семенова было образовать мало-по-малу изъ театра-цирка народный театръ, на сценѣ котораго играли бы молодые, начинающіе артисты. Этой прекрасной мысли не удалось осуществиться: въ 1855 году Семеновъ оставилъ исправленіе должности инспектора репертуара.

